

«ПОЛНЫЕ ЖЕНЩИНЫ –
УДИВИТЕЛЬНО МЕЧТАТЕЛЬНЫЕ
СУЩЕСТВА...» 3

Интервью
с художником и писателем
Владимиром Любаровым

ФАНТАСТЫ
ПЬЮТ
И ТАНЦУЮТ
16

ОБРЕЧЕННЫЕ
ДЕТИ
ИСИГУРО
19

#8
(2306)

Книжное обозрение

WWW.KNIGOBOZ.RU

выходит с 5 мая 1966 года

4 ВРУН,
СЫН
УШАСТОГО

Сага
Мортена Рамсланда

5 УСЫ,
ЛАПЫ,
ХВОСТ

Как кошки
спасают нас

17 ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ИТАЛЬЯНЦЕВ
В АМЕРИКЕ

О чем не писал
Марио Пьюзо

НОВОСТИ

Штурм Альбиона

11–13 апреля Россия была Почетным гостем на Лондонской книжной ярмарке. Совместный проект Роспечати, фонда «Academia Rossica», Лондонской книжной ярмарки и Британского Совета готовился два года, и целью его был прорыв российской книги в англоязычный мир. Статистика впечатляет: в Лондонской книжной ярмарке приняли участие более 70 российских издательских домов и свыше 50 авторов, среди которых – Борис Акунин, Андрей Битов, Владимир Маканин, Людмила Улицкая, Михаил Гиголашвили, Леонид Парфенов, Герман Садулаев, Михаил Шишкин, Дина Рубина и множество других. Как на самой ярмарке, так и на других культурных площадках британской столицы и даже за ее пределами прошло более сотни мероприятий.

Почетными гостями открывшего ярмарку «Завтрака Президента» стали Глава Администрации Президента РФ Сергей Нарышкин и Посол РФ в Великобритании Александр Яковенко. В этом году темой «Завтрака Президента» была «Влияние креативных индустрий на международную дипломатию в XXI веке». Главными спикерами выступили специальный представитель Президента РФ по международному культурному сотрудничеству Михаил Швыдкой и президент Фонда Солженицына Наталья Солженицына.

Первый ярмарочный день был посвящен презентации крупнейших издательских программ – Правительства Москвы, Российского Книжного Союза, Президентского Центра Б.Н. Ельцина и многих других. 12 апреля в центре внимания были писатели РФ. На российском стенде прошла серия презентаций «Hot on the Shelf», представившая гостям ярмарки множество российских книг самых разных жанров, а в завершение – премию «Дебют». «Автором дня» на Лондонской книжной ярмарке был выбран Борис Акунин. Третий день стал днем переводчиков и перевода.

Полвека космической эры

В. Василенко. «Юрий Гагарин». 1977 г.

книжное обозрение
pro

Читайте в сегодняшнем выпуске «PRO»:

Россия – Почетный гость Лондонской книжной ярмарки:
обзор и комментарии.

Напоминаем нашим читателям, что список новых книг, а также рейтинги бестселлеров зарубежной литературы вы сможете найти только в ПРОфессиональной версии «Книжного обозрения», распространяемого только по подписке. Подробности – на стр. 14.

Следующий номер «Книжного обозрения» выйдет 10 мая с.г.

КНИГА НЕДЕЛИ

Джедай Юра

Есть такое специальное хулиганство, праздничное. Даже не хулиганство, а санитарно необходимый перформанс по отковыриванию от обожаемого монумента всего, чем добрые люди его успели обмазать и инкрустировать. Так, почти всегда обнаруживаются какие-то совсем забытые замечательные черты и очертания дорогого именинника, ради которых, собственно, и стоит праздновать. Вот и Лев Данилкин «отскребаёт» Первого Человека в Космосе. Отскребаёт от биоматериала — чуть более крупной, чем раньше, собачки, сунутой в летательный аппарат; от харизматичного простачка, выезжавшего на синих глазах и космической улыбке; от

Данилкин Л.
Юрий Гагарин.
М.: Молодая гвардия, 2011. — 512 с.: ил. — (Жизнь замечательных людей).
20 000 экз. (п)
ISBN 978-5-235-03440-2

мегауспешного продукта советских бренд-дизайнеров; от трепетного романтика, ступенчатого суетного славы... Где-то подо всем этим должен быть Юрий Гагарин.

Наполовину книга состоит из колоритного цитатного коллажа на гагаринскую тему, наполовину — из авторских индианадженсов поисков «гагаринскости». Не надо пугаться, когда среди мемуаров, советской официальной истории, строчек песен и анекдотов вдруг выскакивают «Омон Ра» и «Незнайка на Луне» — они тут очень даже к месту. Не страшно, даже когда по опушке данилкинского образного мышления пробегают джедаи, орки и Медведы с твиттером. Это все не глумление злокозненное, просто живость натуры. И полезное напоминание о том, что памятники не висят в пустоте, а стоят в густонаселенных ландшафтах, посреди пространственно-временной человеческой жизнедеятельности. О ней, родимой, в конечном счете и рассказывает Данилкин, о «кооперации миллионеров воли и миллионеров знаний, которые таинственным образом вступили в творческое и производственное взаимодействие» и породили Гагарина — нелубочного, сложноустроенного человека и одновременно почти магическое существо, эманацию СССР. Поверьте, этот Гагарин прекрасен — даже в мире, где дети больше не хотят стать космонавтами. И ничего страшного, если для доказательства его героизма нужны Пелевин и джедаи.

Оксана Бек

Поэт года

14 апреля состоялась пресс-конференция, на которой было названо имя лауреата Национальной российской премии «Поэт», которую называют также «Поэт года». Им стал Виктор Соснора. 28 апреля 2011 года Виктору Александровичу исполнится 75 лет. Церемония вручения запланирована на 24 мая.

Координатор премии Сергей Чупринин напомнил, что премия присуждается по совокупности заслуг поэта: «За вклад в литературу». Он подчеркнул, что премия и по принципам отбора, и по финансовому наполнению сопоставима с самыми престижными мировыми наградами. Несмотря на то, что выдвигают кандидата и принимают участие в голосовании только члены жюри — все лауреаты премии прошлых лет и литературоведы, обсуждение проходит сложно: в этом году потребовалось три тура. Участниками жюри стали проректор РГГУ Дмитрий Бак, заведующий кафедрой литературной критики МГУ Николай Богомолов, поэт Сергей Гандлевский, соредатор журнала «Звезда» Яков Гордин, поэт Александр Кушнер, академик РАН Александр Лавров, поэт Инна Лиснянская, критик Самуил Лурье, профессор Высшей школы экономики, критик Андрей Немзер, поэт, руководитель семинара поэзии Литературного института имени Горького Олеся Николаева, профессор МГУ, критик Владимир Новиков, критик, член редакционной коллегии журнала «Новый мир» Ирина Роднянская, профессор, главный редактор «Знамени» Сергей Чупринин и поэт Олег Чухонцев. А возглавил жюри лауреат «Поэта-2010» Сергей Гандлевский.

Премия была учреждена РАО «ЕС России», и в связи с «ее исторической самоликвидацией» обязательства компании принял на себя Фонд «Энергия будущего». Сопредседатель партии «Правое дело» Борис Гозман, который на пресс-конференции представлял Фонд, сказал, что вот уже седьмой сезон премия наглядно демонстрирует, сколько в русскоязычном пространстве поэтов, «не просто людей, пишущих в рифму, а тех, кто действительно достоин этого звания. Чубайс и я хотели сделать так, чтобы механизм премии «Поэт» жил и после завершения деятельности РАО ЕС. РАО нет, а премия живет».

По традиции претенденту сообщают о том, что он выдвинут на звание «Поэта года» по телефону. Сергей Маркович Гандлевский в связи с не очень хорошим состоянием здоровья лауреата позвонил его издателю Геннадию Комарову (издательство «Пушкинский фонд») — и был краток: «Добрый день. Сообщите, пожалуйста, Виктору Александровичу, что абсолютным большинством голосов он — поэт года».

Исландский триумф

В Осло прошла 50-я церемония вручения литературной премии Совета северных стран — в него входят Дания, Исландия, Швеция, Норвегия и Финляндия. Награда была учреждена с целью способствовать развитию языков Северной Европы и создаваемой национальной литературе. В этом году лучшей «северной» книгой жюри признало сборник рассказов «Среди деревьев» («Milli Trjanna») исландского писателя Гирдира Элиассона. Надо отметить, что премию Совета северных стран он получает уже второй раз.

Издания, отрецензированные в номере

Арджилли М. Фантаст-окулист	21
Арнштам А. Воспоминания	8
Артемова Г. Блудная дочь	15
Браун Х. Клео: Как одна кошка спасла целую семью	5
Брускини В. The Father. Великий Крестный отец	17
Былины: Том 1	15
Гарднер Дж. Ведовство сегодня	15
Гибсон Р., Прендергаст М. Германская подводная война. 1914-1918 гг. ..	15
Гордиенко Э., Семьячко С., Шибяев М. Миниатюра и текст	9
Джеймс П. Мертвый, как ты	17
Досси П. Продано! Искусство и деньги	7
Зинник З. Эмиграция как литературный прием ..	9
Исигуро К. Не отпускать меня	19
«Калевала» в контексте региональной и мировой культуры	9
Кампуш Н., Гронемайер Х., Мильборн К. 3096 дней	9
Кивеля М. Ты или никогда	4
Кисельгоф И. Журавлик по небу летит	9
Конструкты национальной идентичности в русской культуре XVIII-XIX веков: Материалы конференции: Апрель 2008 г.	9

Копшицер М. Поленов	8
Культура в фокусе знака: Сб. науч. тр.	9
Ливанова Т., Ливанова М. Всё о лошади	5
Литерь: Проза. Поэзия. Драма	9
Микоян Н., Медведев Ф. Неизвестная Фурцева	6
Минутко И. Провидец	6
Нурен Л. Пьесы	4
Прозоров А. Князь: Последняя битва	15
Рамсланд М. Собачья голова	4
Роллен Ж. ...А вслед ему мертвый пес	5
Силади И. Камень в сухом колодце	7
Фрейзер Дж. М. Флэш без козырей	15
Хант А. Пропащая без вести	17
Харичев И. Кремлевские призраки	6
Хефнер У. Завет Христа	15
Церковное шитье в Древней Руси: Сб. ст.	24
Шаров А. Человек-Горошина и Простак	21
Шелли М. Франкенштейн, или Современный Прометей. Последний человек ..	7
Юрова Е. Старинные узоры для вышивания: Обзор за 400 лет и энциклопедия вышивки XVIII века	24
Язвницкий В. Иван III - государь всея Руси ...	15
Янн Х.Х. Это настигнет каждого	7

Самый-самый бест

Литературная премия «Национальный Бестселлер» отметит свое десятилетие специальной юбилейной премией «Супер-НацБест». 29 мая эта награда будет присуждена лучшей книге из числа лауреатов премии за все годы ее существования. Приз составит 100 000 долларов. Как и на «обычном» НацБесте, лауреата будут выбирать прямым голосованием члены жюри. В состав жюри «Супер-НацБеста» вошли председатели малых жюри предыдущих десяти лет: общественный и политический деятель Ирина Хакамада; банкир и государственный деятель Владимир Коган; кутюрье Валентин Юдашкин; актриса Александра Куликова; прозаик, первый лауреат премии Леонид Юзефович; писатель и политический деятель Эдуард Лимонов; экономист Сергей Васильев; писатель, вице-президент Петербургского ПЕН-клуба Илья Штемлер; генеральный директор медиахолдинга «Коммерсантъ» Андрей Галиев; издатель, основатель премии Константин Тублин. Почетным председателем жюри «Супер-НацБеста», в чьи обязанности входит принятие решения в случае равномерного распределения голосов, стал Аркадий Дворкович, помощник Президента РФ Дмитрия Медведева. За «Супер-НацБест» будут бороться: «Крещенные крестами» Эдуарда Кочергина, «Степные боги» Андрея Геласимова, «Грех» Захара Прилепина, «Путь Мури» Илья Бояшова, «Борис Пастернак» Дмитрия Быкова, «Венерин волос» Михаила Шишкина, «ДПП <NN>» Виктора Пелевина, «Голово[ломка]» Гарроса-Евдокимова, «Господин Гексоген» Александра Проханова и «Князь ветра» Леонида Юзефовича.

«Дружба народов»: пять лет спустя

В Доме-музее Марины Цветаевой в Москве прошла торжественная церемония награждения лауреатов литературной премии журнала «Дружба народов» за 2010 год. Учрежденная с целью поддержки бывших советских республик, эта награда вручалась с 1995-го по 2005 год, затем из-за финансовых трудностей журнал был вынужден приостановить свое начинание. В этом году премию присуждали впервые после пятилетнего перерыва.

Премии присуждались авторам лучших публикаций за 2010 год по всем отделам журнала. В номинации «Большая проза» наградили Фариду Нагима («Земные одежды», ДН, №№ 10–11), в номинации «Малая проза» — Ирину Мамаеву («Бутыль», ДН, № 9). «Поэзию» получил Александр Ревич («Перед светом», ДН, № 10). Премию за лучший перевод — Георгий Кубатян («Двери света» (современная армянская поэзия: В. Мугнелян, А. Мовсес, Р. Тамразян), ДН, № 6). В номинации «Лучшая публицистика: за гуманитарный вклад в укрепление межнациональных взаимоотношений» награда досталась Султану Яшуркаеву («Царапины на осколках», ДН, №№ 6–7 и 11–12). Специальная премия ОТП Банка «От Урала до Дуная» за поддержку и развитие культуры Венгрии и финно-угорских народов была вручена Александру Цирильникову (Москва) за публикацию «По человеку с дыма. Марийский феномен» в ДН, № 11, 2009.

Выбор редакции

1 Куклы взрослым не игрушка — знают все сказочники, и Салман Рушди — особенно. А вот герой его романа «Ярость», профессор Малик Соланка — создатель мегазвезд экрана и суперподвижницы научпопа, развеселой философствующей куклы Глупышки, — этого, на свою беду, не знал.

Рушди С.
Ярость / Пер. с англ. А. Челноковой.
СПб.: Амфора, 2011. — 351 с.

2 Елена Герчук занимается искусством книжного дизайна — и как художник, и как преподаватель, и как журналист. Она не дает готовых рецептов, а погружает читателя в тонкости профессии, полагая, что дизайнер, работая над книгой, может позволить себе не только «выполнить заказ», а придумать книгу с начала до конца.

Герчук Е.
Архитектура книги.
М.: ИндексМаркет, 2011. — 208 с.

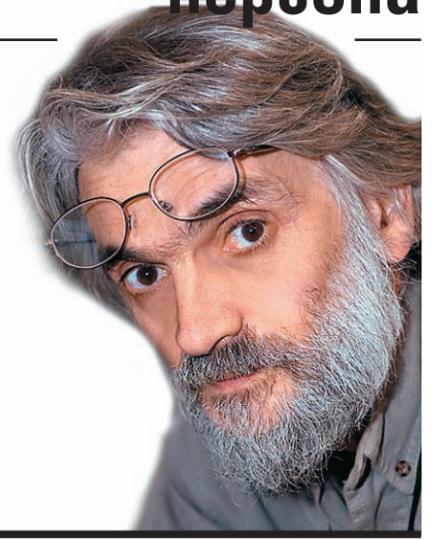
3 «Всегда хочется начинать с детства...» — пишет Ирина Мирошниченко. И в своей книге рассказывает (отсюда и название) о детстве, о жизни и творчестве — без возвышенных фраз, простым разговорным стилем, так, как будто сидит рядом с вами. У нее получилась даже не «книга» в полном смысле слова — как нечто придуманное, — поскольку ничего придуманного в ней нет.

Мирошниченко И.
Расскажу...
М.: Астрель, Олимп, 2011. — 352 с.

«Женщины стремятся обнажиться»

Беседовала
Мария Мельникова

Недавно в Москве прошла выставка Владимира Любарова «Праздник без повода» и вышла его книга «Рассказы. Картинки» — с живописными хрониками жителя-бытия любаровских героев и автобиографическими рассказами самого художника. Мы побеседовали с Владимиром Любаровым о том, как он стал писателем, почему в советское время еда была вкуснее и откуда в российской провинции берутся ангелы и русалки.

— В предисловии к вашей книге вы признаетесь: так получилось, что все самое важное в вашей жизни происходило случайно. И рассказы появились тоже случайно, когда понадобилось заполнить дыры в макете вашего альбома. Удивительное стечение обстоятельств или какое-то доброе существо наверху следит, чтобы у вас все было хорошо?

— Не исключаю присутствия доброго существа наверху, но думаю, что к случайности важно быть внутренне подготовленным. Если ты не созрел написать текст, то в предложении: «А не напишете ли вы какой-нибудь текстик, а то у нас дыры в макете?» — смысла не будет, эта случайность ни во что не превратится. Есть люди, которые свою жизнь как бы выкраивают, выстраивают. Решают: я должен стать министром, великим поэтом или кем-то еще. Я же, наоборот, скорее, плыву по течению. Если жизнь мне что-то предлагает, я от этой возможности не отворачиваюсь. Все должно происходить естественно. А если я, к примеру, решу: стану ли академиком или, скажем, депутатом, то этой моей нынешней жизни, в которой я могу удивиться какой-то самой простой вещи, а удивившись — написать картину или рассказ, у меня уже не будет. Я не программирую свою жизнь так, чтобы она была или кому-то казалась «правильной». Жизнь у меня довольно «неправильная».

— С тех пор как вы начали писать рассказы, они, наверное, стали для вас чем-то более важным, чем средство экстренного исправления огрехов в макете?

— Я писал эти рассказы, вспомная забавные эпизоды из своей жизни — они почему-то крутились у меня в голове, или делая в альбомах что-то вроде расширенных подписей к своим картинам. А когда впервые увидел эти тексты напечатанными, вдохновился на продолжение. И еще, честно говоря, мне понравилось писать: во-первых, не пахнет краской, во-вторых, абсолютно никаких финансовых затрат.

— Ваши рассказы вступают с картинами в какое-то творческое взаимодействие?

— Безусловно. Если я что-то «недосказал» в картине, могу потом написать рассказ. Или наоборот: вот, скажем, написал я рассказ про свою службу в армии — а потом «пририсовал» к нему несколько картин с «армейскими» сюжетами: «Самоволку», например, где солдат выпивает с русалкой...

— Вы так любовно описываете характерные еду и напитки советской эпохи — собственноручно заквашенную капусту, пиво, которое зимой гуманно разбавляли кипятком... В гастрономии нынешнего дня есть что-нибудь, что так же радует?

— В моем скудном послевоенном детстве еда — если не считать манной каши — часто сама по себе была праздником. А сейчас — так, удовлетворение потребностей... И даже дорогие рестораны не больно-то радуют. Честно говоря, я предпочитаю «забегаловки». В «забегаловках», особенно провинциальных, иногда еще можно уловить отблеск той непосредственной радости, которую доставляла еда в моем детстве. Даже не столько мне, сколько окружающим меня взрослым. Намек на ту радость сейчас можно иной раз поймать в самой простой «забегаловочной» еде, в бутылке, которую втихую приносят туда посетители и которую развивают под столом так, чтобы не заметил официант, вернее, круглая полу-сонная официантка. Разлили, чокнулись — вот и случилось у людей счастье... Вообще, у меня в памяти сохранились очень яркие картины из детства — на уровне вкуса той «счастливой» послевоенной еды. Ярче этих воспоминаний оказались лишь впечатления от деревни, в которой я купил дом. Отсюда, вероятно, и структура моей книги: в ней есть детство, есть переезд в деревню, а между ними — почти полный провал.

— Кажется, что ваши герои живут в советском прошлом, но потом у кого-нибудь из них обнаруживается мобильный телефон. Да и понимаешь, что стоит чуть-чуть выехать за МКАД — и увидишь те же платья и платки, что и на жителях Перемилово. На ваших картинах — какое-то конкретное время или безвременье?

— В провинции я встречаю и 70-е, и 80-е годы прошлого века. А некоторые дома, дворники, лавочки напоминают мне времена моего детства.

— Значит, сознательно вы не отправляете своих персонажей в прошлое?

— Есть такое понятие — «любимое время». Его я и рисую. А складывается мое любимое время из осколков моих самых ярких воспоминаний, почему-то осевших в моем сознании примет самых разных времен и эпох. В моем любимом времени могут встретиться прически из шестидесятых, кар্তুз или сапоги — из сороковых, мобильный

телефон — из дня сегодняшнего. В мои картины «забрывают» иной раз какие-то запавшие в мое подсознание атрибуты XVIII века, который я больше всего любил рисовать в мою бытность книжным иллюстратором.

— «Большой человек и маленький человек» — при этих словах обычно вспоминают Достоевского, Гоголя, социальное неравенство. А на ваших картинах большие и маленькие люди сосуществуют в согласии.

— В народном искусстве «большими» и «маленькими» люди рисовались не из-за разницы в росте, а согласно тому статусу или значению, которое придавал им художник: человек, которого он представлял значительным, граф, например, всегда рисовался выше ростом, крепостные — помельче. Думаю, что этот прием я из народного искусства и позаимствовал. Хотя для меня «маленький» человек — это, скорее, тот, у кого духовная сущность мелковата. Наверное, поэтому у меня и женщины бывают «масштабнее» мужиков с их мелкотравчатыми интересами...

— Любый, кто соприкасался с деревенской и провинциальной русской действительностью, знает, что в ней много замечательного, но столько же — страшного. Что помогает вам видеть в буднях деревни Перемилово и города Шипок только хорошее, светлое?

— Когда я приехал в деревню, некоторые деревенские, особенно приходящие из соседних деревень, показались мне весьма агрессивными. И сначала я их боялся. Но после того как я их нарисовал — хоть я и не рисую портреты, скорее, собирательные образы, — мой страх куда-то улетучился. Вот, например, Колька: нарисовал я его, его портрет висит у меня на стенке — и я уже мирюсь с ним. И то, что он выпил и послал меня на три буквы — все это превращается в художественный образ. Очень неплохой метод разрешения конфликтов, всем рекомендую!

— Восхищает умение ваших героинь непринужденно обнажаться «на глазах у изумленной публики». Что ими движет?

— Заранее прошу прощения, если это не так, но мне кажется, что все женщины при всяком удобном случае стремятся обнажиться — просто не у всех на это хватает пороха. Я же рисую в какой-то степени осуществленные желания людей, их мечты.

— На эту дивную пластику мужчины у вас реагируют удивительно сдержанно. Вот,

к примеру, «Торжество» — сидит обнаженная женщина во всем своем роскошестве, а соседи по столу на нее даже не смотрят.

— Про «Торжество» мои зрители выдают множество версий: некоторые, например, видят в раздетости женщин их обнаженную душу, душу нарастающую, вечную готовность к любви. Это в то время, когда мужички все застегнуты — себе на уме. А один человек удивил меня, рассказав, что что-то похожее видел в своем послевоенном детстве. Такие одетые мужчины и раздетые женщины сидели в их дворе. Просто когда мужики возвращались с фронта, они были такие морально «убитые» этой войной, что не реагировали даже на женщин, хотя, казалось бы, должны были на них бросаться. И вот жены, чтобы как-то их растормошить, вернуть к жизни, вызвать в них нормальные человеческие реакции, раздевались и практически нагими сидели с ними за столом...

— Расскажите, пожалуйста, как появились на ваших картинах ангелы и русалки.

— Полные женщины, особенно деревенские и из провинциальных городков, удивительно мечтательные существа. И это при том, что на них держится все хозяйство и что им приходится «пахать» куда больше, чем мужикам. И вот так она за целый день наломается, а потом присядет на завалинку, увидит городского человека и начинает рассказывать, о чем мечтает. А мечты у нее всегда есть: и о хорошем доме, и о большой любви, и о том, чтобы поехать в Париж. И так эти хрустальные мечты порой не вяжутся ни с ее обликом, ни с ее жизнью, что я ее представляю — ну почему бы и не русалкой? Русалка — она ведь тоже как прорыв в другой мир... Ну, а ангелы... Есть, вероятно, и «взаправдашные» ангелы, а есть люди, про которых так и можно сказать — ну прямо ангелы! Таких, вероятно, я и рисую.

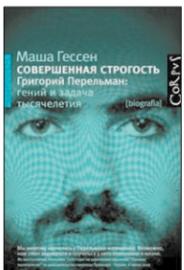
— Только очень маленьких...

— Но ведь эти люди совершенно беззащитные. На их примере мы просто понимаем, что можно жить и так, не преследуя никаких корыстных целей, думая только других, а не о себе. Вот у меня мужичок и несет на руках усталого ангелочка — это его надо защитить, а не наоборот.

— А кто же тогда защитит человека?

— Человек может защитить себя сам. Некоторые, правда, не могут — и тогда их защищают жены, хотя надо было бы наоборот.

4 Журналист и писатель Маша Гессен помогает разобраться в феномене Григория Перельмана — российско-го математика, доказавшего гипотезу Пуанкаре, одну из семи «задач тысячелетия», за решение каждой из которых американский Институт Клэя установил премию в миллион долларов.

Гессен М.
Совершенная строгость.
Григорий Перельман:
Гений и задача тысячелетия / Пер. с англ.
И.Кригера.
М.: АСТ, Corpus, 2011. — 272 с.

5 Раньше издававшийся лишь в журнальной публикации, «Дикообраз» мэтра современной британской прозы Джулиана Барнса впервые выходит книгой. На этот раз постмодернист туманного Альбиона играет с послевоенной Восточной Европой, где рушится коммунизм — и надо что-то делать со свергнутым диктатором.

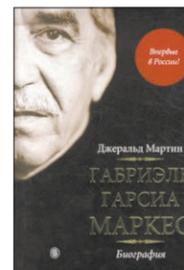
Барнс Дж.
Дикообраз / Пер. с англ.
Е.Храмова.
М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2011.
— 224 с.

6 Не нужно представлять, что вы попали в кинотеатр и смотрите, как на большом мерцающем экране пробегают кадры довоенного Парижа, а мальчишкооборотыш заходит в старинное здание вокзала и находит механического человечка из коллекции некоего Жоржа Мельеса. Потому что до вас это уже сделал Брайан Селзник.

Селзник Б.
Хранитель времени / Пер. с англ. С. Чулковой.
М.: Астрель, АСТ, — 544 с.

7 Джеральд Мартин — известный специалист по культуре стран Карибского бассейна и единственный «официальный» биограф Габриэля Маркеса. В своей книге — первом полном жизнеописании гурма магического реализма — он пытается разобраться в хитросплетенных мифов, уже почти не отделившихся от жизни писателя.

Мартин Дж.
Габриэль Гарсиа Маркес.
Биография / Пер. с англ.
И.Новоселецкой.
М.: СЛОВО/SLOVO, 2011. — 624 с.

рецензии

северная европа

Подумаем о снеге

Ирина Улякова

Мы уже изрядно испорчены литературой, иприслове «снег» вспоминаем не только Новый год, деревенскую баню и игру в снежки или хотя бы пробки на дорогах, но и Питера Хега с его «Смиллой...». Наверняка, проводи кто-нибудь сейчас исследование ассоциаций, Смилла со своим «чувством снега» была бы там на почетном месте. Если же говорить начистоту, мысли Смиллы занимает в основном лед — лед Гренландии и Дании, айсберги и береговая кромка. А вот героиня финской писательницы Малин Кивеля действительно думает о снеге.

Она думает о нем днем и ночью, дома и на улице, она читает о нем книги, она даже вспоминает Смиллу! Нельзя сказать, что это единственный

интересующий ее предмет — важны также растения, утки на льду залива и люди. О людях пишут в газетах, людей можно наблюдать на вокзале, на набережной и в супермаркете. Героиня по имени Айя много вынесла их этих наблюдений. Из одного окна ее полуподвальной квартиры виден двор с песочницей, из другого — улица и ноги прохожих. По вечерам, тщательно расположив вещи на своих местах, она задерживает шторы, варит ароматный кофе и читает книгу о снеге, написанную американцем Уилсоном Бентли сто лет назад.

Можно подумать, что Уилсон Бентли по прозвищу Снежинка, сын фермера, посвятивший жизнь фотосъемке и классификации снежи-

Кивеля М.
Ты или никогда / Пер. с фин.
Л. Стародубцевой.

М.: Livebook/Гаятри, 2011. — 240 с. Тираж не указан (п) ISBN 978-5-904584-11-5

нок, — тоже вымысел автора. Но он как раз вполне реален, действительно жил на своей

ферме, в одиночестве, вооруженный микроскопом и фотоаппаратом, и умер от пневмонии, простудившись в метель. Никто его не понимал, соседи смеялись над ним, он никогда не был женат. Возможно, Айя — единственная женщина, которая могла бы его понять. Она писала бы ему письма на чужом для себя английском языке — это та степень близости, которую она может себе позволить. Но, поскольку Бентли давно умер, один среди бескрайних снежных просторов, она пишет ему мысленно.

Если бы перед нами было стихотворение, на этом можно было бы поставить точку. Герои, разделенные временем и соединенные вечным падающим снегом. Но,

хоть эта проза очень близка к поэзии, ее сюжет гораздо сложнее, и он в очередной раз доказывает, что притягиваются не подобию, а противоположности.

Она одета в два свитера, рейтузы, штаны, пальто и резиновые сапоги — на все случаи жизни, а он сидит на улице в одной рубашке. Она рассматривает падающие снежинки — среди них есть звездчатые дендриты и простые звезды. За его спиной оранжевая палатка, а в ней огонь под жаровней с каштанами. Она ждет трамвай, а он играет на аккордеоне. Она женщина, а он мужчина. Все, что он любит, ей незнакомо, но она идет к нему шаг за шагом. Он играет песни Элвиса, и она изучает Элви-

с так же, как до этого снежинки — по книге, медленно, пытаюсь понять, вьяве представляя себе каждую фразу. Но, приближаясь к нему, она приближается к себе — прошлое, запечатанное в шкафу, уже можно достать на свет, и все ближе подходит к окну силуэт ребенка, неясный из-за падающего снега.

Можно сказать, что это книга о психотерапевтической силе любви. Или что это книга о настоящем чуде, которого так хочется долгой снежной зимой. Но, пожалуй, самое удивительное, что в лирическом потоке мыслей автор не теряет ни чувств ритма, ни чувства юмора. И — не побоюсь раскрыть главную тайну — в конце наступит весна.

История в чудищах

Мария Мельникова

Рамсланд М.
Собачья голова / Пер. с дат. Е.Красновой.

СПб.: Симпозиум, 2011. — 480 с. 3000 экз. (п) ISBN 978-5-89091-439-2

С одной стороны, выдавать характеристики вроде «Про-заик N — мексиканский Жозе

Сарамага» или «Писательница X — микронезийская Амели Нотомб» — один из самых дурацких способов критического времяпрепровождения. С другой стороны, дурь дурью, только что вы будете делать, если срочно нужно описать белого медведя человеку, который белого медведя никогда не видел? Правильно, вы скажете: «Понимаешь, он вроде бурого медведя, но — он белый!» Вот и роман Мортена Рамсланда безумно похож на буйноцветные эпопеи Салмана Рушди, но — он датский, со всеми замечательными северными вытекающими.

Плагиат тут ни при чем. Ощущения от «Собачьей головы» можно, скорее, сравнить с радостным обалдением зоолога старых времен, обнару-

жившего, что вот этот зверь, оказывается, родственник вонтому, обитающему на другом конце земли. Ну надо же, вот как она выглядит в скандинавской формации — семейная сага с постмодернистской отделкой и древнеэпическим нутром! Не только жара, пыль и пряности способны рождать этот сказочный повествовательный дурман — шум холодного моря и награбленного золота справляются ничуть не хуже. Так уж сложилось, что все сыновья в беспокойной семье Эрикссонов убежали искать счастья за море и в хитростях со звонкой монетой упражнялись, правда, с весьма переменным успехом...

Рамсланд описывает жизнь трех поколений, с 30-х годов XX века и до наших дней —

увлекательный период, но соотношения исторического и семейственного тут строятся совсем не по модели «Войны и мира». Да, начинается все с пустынного поля, по которому дедушка Аскиль бежит в одном ботинке от немецких собак-ишек. Но после войны Аскиль никому не будет пояснять, что в лагерь он попал за попытку продать оккупантам у них же и украденные стройматериалы, а от собак смог спастись, только убив товарища, причем голыми руками. Эта нехорошая история тихо уползет в темноту умалчиваний, намеков и тайных мучений, а немецкие собаки-ишки станут зловещей частью прирватной мифологии растущей семьи Эрикссонов, где при-

дут расти и эволюционировать. Очень скоро к ним присоединятся огромные уши Нильса-Ушастого и его нарисованные чудовища, призрак прадедушки Расмуса, Клыкастого, учащий уму-разуму и обещающий горшок золота под радугой, украденная коллекция старинных монет и взорванный сортир, кусок льда в груди Бьорк, поездки на велосипеде с завязанными глазами, лесные духи-девушки, которым суждено превратиться в девушек настоящих, страшная Собачья голова, что поселится под лестницей, и все, что случится после того, как наш рассказчик, Асгер Врун, ее убьет...

Мировой истории с ядерной бомбой и рок-н-роллом в этом магически-бытовом

пространстве просто не найдется места. Ей остается только еле слышно гудеть где-то на очень заднем фоне, пока у Эрикссонов из детских прозвищ, семейных радостей и скандалов и прочего разрозненного жизненного сора, как из частей разрушенного великана, вырастает самостоятельный, увлекательно-запутанный мир, в котором сказочные взрывы иногда поддаются объяснению психоанализом, а иногда — уж извините. И особую благодарность к автору испытываешь, когда, пройдя по всем хитрым изгибам «Собачьей головы», получаешь не высококомунную концепцию, а простую и ясный совет по борьбе с нечистью. А много ли еще нужно от саги?

Кризис смерти

Татьяна Сохарева

Перефразируя римского комедианта Теренция, ничто человеческое Ларсу Нурену не нужно. Его не интересует, как его герои дошли до жизни такой. Важно — как они сумели ее вынести. Пьесы Нурена как раз об этом: как жить, если ты уже почти мертв?

Его интересует человек в пограничном состоянии: человек, внутренне переступивший через себя. Ненависть, алкоголь и вытекающие из этого последствия — равноуязвимые места души. Не трудно найти боль в том, что ее породило. Безжалостный к себе и к своим героям, Нурен сагает их в клетку и наблюдает. В основе каждой пьесы — эксперимент доведения «маленького

человека» до отчаяния. До точки, когда ничтожность превращается в сокрушительную силу. На этом внутреннем гротеске выстроен весь нуреновский мир. Каждый его персонаж отражается в другом. А из их образов складывается сам автор. Эти истории могут быть приняты за авторский рассказ о себе — о человеке ниоткуда. Так, герой пьесы «Воля к убийству», лишенный даже имени, говорит своему отцу: «Я боюсь тебя, потому что я на тебя похож». То же может сказать и Нурен, обнаруживая себя в своих созданиях.

В пьесах Нурена вообще ничего не происходит. Несмотря на это, в них нет ничего плоского и однозначного. Так проступает чехов-

ское «люди обедают, просто обедают...». Но когда и при каких условиях были разрушены судьбы героев — остается вопросом. Герои Нурена обедают, восседая на пенках от вырубленного вишневого сада. Они, как навозные жуки, копошатся в своем неделимом настоящем, не замечая ничего вокруг.

Их ничтожность возведена в степень абсурда. При этом каждый образ богат деталями настолько, что пропадает потребность делить их на положительных и отрицательных. Одно ясно: страдание облагораживает нуреновских персонажей. Пьяница, испытывающий душевную боль, перестает быть пьяницей и превращается в трагического героя. Он смешон и жалок в своей

Нурен Л.
Пьесы / Пер. со швед.

М.: НЛО, 2011. — 544 с. 2000 экз. (п) ISBN 978-5-86793-852-9

любви к сыну-неудачнику, который ненавидит свое отражение в отце. Его любви противостоит только сыновья правда: «Всю жизнь я обя-

зан был относиться к этому человеческому обручку как к полноценному существу». Жалкие до тошноты, герои Нурена никогда не станут типами. Они ходят по улицам и дышат с нами одним воздухом. Они не поддаются какой бы то ни было классификации.

Быт в пьесах Нурена переходит грани реальности. Его нельзя опровергнуть или не замечать. Автор целенаправленно сторонится всего эстетского. Всего, что могло бы нарушить его уродливый, но цельный быт. Весь мир сгущается в одной комнате, стесняющей дыхание. Здесь вино разливают в банки из-под майонеза, чтобы чуть позже начать «сосать прямо из горла». Незамысловатая нуренов-

кая обстановка всегда стояла перед нами, но мы научились о ней не думать. Герои просто не могут сделать ничего, чтобы быт обошел их стороной.

При этом ни одна пьеса не имеет конца. Нарастающее к финалу напряжение не имеет выхода. Нурен, испугавшийся сам себя, бросает героя на полпути с ножом в руках. У героев нет будущего. Автор оставляет их дожидаться развязки, которая никогда не наступает. Они проникли в бездну своей души и не смогли из нее выбраться. Он лишает их даже смерти. Нурен целенаправленно никогда не объясняет главного. Поэтому каждый трактует эту незавершенность на свое усмотрение.

Человек без поводка

Вера Бройде

История с бродячими собаками — такая же запутанная, как шерсть у рыжеватых австралийских «динго», и клочковатая, как у китайских волчиц, от которых, по мнению многих ученых, произошли все основные породы домашних псов. Эту шкуру, конечно, хочется расчесать, но как? — и сложно, и страшно. Глядя на своего аккуратного пса, мирно сопящего под столом, свернувшись клубком почти как котенок, с языка не слетают слова вроде «дикая природа» или «звериный инстинкт». И совсем другое дело — они: озлобленные, взъерошенные, оскаленные — члены огромной стаи. Бывают и другие, что ходят поодиночке или вдвоем, такие унылые и несчастные, голодные и грязные, что вызывают, скорее, жалость, смешанную с брезгливо-

стью, чем страх или ненависть. Их статус — и первых, и вторых — такой же, как они: зверски двусмысленный, рождающий самые разные вопросы. Ответы на них и ищет французский писатель Жан Роллен.

Может быть, именно потому, что у этой истории нет четких границ, правильных ответов и единодушного признания, он и рассказывает ее так: намеренно запутанно и таинственно, петляя, как подозреваемый в преступлении, циркулируя по дорогам разбомбленного израильянами Ливана, пыльного Мехико, грязной вокзальной Москвы, заболоченного Туркменистана, знойного Майами с пальмами и игуанами, или прикрывшись в тени на углу какого-нибудь дома, откуда открывается вид на главную площадь чилийской или тайской столицы. Он пишет так,

Роллен Ж.
...А вслед ему мертвый пес:
По всему свету за бродячими
собаками / Пер. с фр.
И.Васюченко, Г.Зингера.
М.: Текст, 2010. — 256 с. 3000 экз. (п)
ISBN 978-5-7516-0928-3

как будто ищет место, к которому можно бы было прицепиться, но так ни на чем конкретном и не останавливается. Бродяжничество в некоторой степени предполагает свобо-

ду, но можно ли, к примеру, считать псов, за которыми он «охотится», свободными, если они все равно так сильно зависят от людей, чьими объедками питаются? На которых нападают, чтобы... чем-то питаться?

Разыскивая в текстах эпизоды, где встречаются бродячие собаки, Роллен открывает — причем как себе, так и читателю — нечто вроде закона, не строгого, но все же несомненного, предусматривающего ряд вполне определенных признаков, по которым можно точно судить: да, через несколько строк собаки обязательно появятся. Какие это признаки? Гомер, Библия, Гюстав Флобер и Василий Гроссман нашептывают, подсказывая: войны, бедствия, разрушения... Но Роллен «листает» не только художественные книги (где сцены пожирания

собаками мертвых тел стали, по его словам, уже «общим местом»), а также и документальные. В этом жанре мало кто осмелится соперничать с «Войной на Балканах» Джона Рида: жуткий кошмар, но не приснившийся, а реальный... Впрочем — нет, вы не подумайте, что эти картины и чувства, являются тем, к чему больше всего стремится Роллен. Это не его цель, и книга его — не такая и не об этом. Он не исполнен к бродячим собакам снисходительности или какой-то необъяснимой (а может, и объяснимой) симпатии, как, скажем, часто цитируемый им Курцио Малапарте. Но он соглашается с ним, когда тот говорит: «Если нужно выразить непереносимое страдание и боль, никакой человеческий голос не сравнится с соба-

чим. Собачий голос сильнее самой возвышенной музыки выражает мировую скорбь».

Книга Роллена рассказывает историю пса, раскручивающуюся параллельно истории человека. Она похожа на описание путешествия, не совсем художественного, но и не совсем журналистского. Для последнего Роллен слишком литературен и, пожалуй, слишком поэтичен (как когда представляет себя превратившимся в «обаятельную ящерицу» с длинным хвостом), и уж точно — слишком «я». В данном случае это качество, несомненно, — плюс, потому что говорит вовсе не о выпячивании или завышенном самомнении, а скорее об индивидуальности, некой привлекательной странности и таком заманчивом неравнодушии — как черта характера и стиле письма одновременно.

Древние и неприкосновенные

Дмитрий Малков

«Запад есть Запад, Восток есть Восток», — написал Киплинг, и эта сентенция с равным успехом может быть применена к извечному спору о собаках и кошках. На самом деле глупо спрашивать, кто из них лучше. Они просто разные. Совсем. Начать с того, что, заводя щенка, вы приобретаете друга, бескорыстно любящего вас в любом виде, а вот когда в вашем доме появляется котенок — все обстоит с точностью до наоборот. «Кошка выбирает себе хозяйку, и никак иначе», «Кошка не идет туда, куда ее зовут», «Кошки — одиночки по натуре», «Кошка приручает людей»... Эти и им подобные

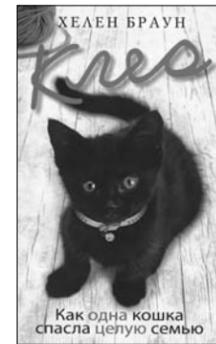
фразы, вынесенные в качестве предупреждений к каждой из глав книги Хелен Браун, прекрасно отражают самолюбивый (отчасти даже эгоистический) и независимый нрав «древнего и неприкосновенного животного».

И все-таки прелесть и величие кошек несравненны. Клео — Клеопатра — появилась в семье Браунов в очень тяжелый для них момент. Совсем недавно погиб их девятилетний сын Сэм, солнечный, веселый и мудрый ребенок. Траур, поселившийся в доме, казался, должен был длиться вечно. Поэтому Хелен, уступившая детям в просьбе «взять милого котеноч-

ка», вначале была чуть ли не в истерике: «Я чувствовала, что моя жизнь кончена, а этой кошачьей фитильке хватило нахальства ворваться в наш мирок и даже не извиниться». Возмущение женщины вполне понятно. Этот, не сказать иначе, хилый комочек шерсти немедленно стал вести себя так, будто все, существовавшее с сотворения мира, было предназначено для единственной цели — удобства существования Ее Кошачести (кстати, среди прочих эпитафий в книге есть и такой: «Кошке подобает только одно имя — Ваше Величество»). И прошло достаточно времени, чтобы Брауны (у кото-

рых, между прочим, имелась уже в ту пору старая любимая собака) смогли осознать, насколько появление Клео изменит всю их жизнь, причем в лучшую сторону.

Дело, собственно, даже не в том, что лечебные свойства кошек неоспоримы, и «прикосновение лапки иногда помогает лучше аспирина». Будьте уверены — если вы захотите использовать кошку в утилитарных целях по собственной воле, ничего у вас не выйдет. Но когда вам действительно плохо, когда раскалывается голова, щемит разбитое сердце и рушится мир — немедленно рядом, буквально под боком, окажется мурлыкаю-

Браун Х.
Клео. Как одна кошка спасла
целую семью / Пер. с англ.
Е.Мигуновой.
М.: РИПОЛ классик, 2011. — 384 с.
7000 экз. (о) ISBN 978-5-386-02893-0

щий доктор, волшебная сила которого хоть и не подтверждена дипломами и аттестатами, но способна оказывать самое благотворное влияние на больной организм. Так, ученые выяснили, что частота мурлыканья кошки, независимо от возраста, пола и размера, составляет 25,9 Гц, то есть 25,9 «мурков» в секунду, а именно этот диапазон показан при заживлении ран, сращивании переломов и купировании сердечной недостаточности. Более того, кошачье мурлыканье избавляет от мигрени, в то время как все медикаментозные средства перед этой «болезнью Понтия Пилата» бессильны.

Скачки с препятствиями

Ирина Улякова

Назвав свою книгу «Всё о лошади», Татьяна и Мария Ливановы изначально задали себе высокую планку. История взаимоотношений человека и лошади насчитывает тысячелетия, знаний накопилось за это время на десятки томов, и попытка уместить их в четыре сотни страниц может показаться безрассудством или дилетантизмом.

В книге пять больших глав, авторы действительно стараются охватить широкий круг вопросов. «В мире лошадей» заключены исторические и биологические сведения, описаны основные породы и советы по выбору жеребца, если вы надумаете его покупать.

В главе «Ваша лошадь» — рекомендации по содержанию и уходу, включая правильную постройку конюшни и организацию конного хозяйства, кормление и подбор амуниции. Названия «Верховая езда» и «Езда в упряжках» говорят сами за себя, а завершается книга небольшой, но важной главой «Болезни. Профилактика. Лечение».

Естественно, в маленькой книге невозможно рассмотреть все перечисленные вопросы исчерпывающе подробно. Поэтому одни главы и разделы носят скорее общеознакомительный характер, другие включают справочные сведения, таблицы и сравнитель-

ные рисунки. Подробней всего разобраны особенности телосложения и экстерьера лошади, распорядок жизни на конюшне, подбор кормов и правила ухода, а также все, что касается верховой езды — амуниция, основы обращения и работы с лошадью, виды и отличия спортивных состязаний. Ну а описание болезней лошадей рассчитано скорее на предотвращение ошибок в уходе, которые могут повлечь за собой печальные последствия, и поможет вовремя заметить признаки болезни и обратиться к ветеринару.

Если читать последовательно, легко заметить стилистические разли-

Ливанова Т., Ливанова М.
Всё о лошади.
М.: АСТ-Пресс Книга, 2011. — 384 с.
6000 экз. (о) ISBN 978-5-462-01102-3

чия в разных главах. Авторы то целыми страницами приводят таблицы и сухие

описания, напоминающие вузовский учебник, то ударяются в трактовку пословиц или вдруг снабжают раздел «поэтическим» заголовком вроде «В холода — побольше овсеца», сильно контрастирующим с соседним: «Нормативы при денниковом содержании». Вероятно, что, как и многие энциклопедические издания, эта книга — компиляция из более специализированных источников, что в принципе не грех, но вот стиль при объединении разрозненных частей стоило бы «подравнять».

И, конечно, вопрос о том, на кого рассчитана книга? Вряд ли один и тот же человек будет инте-

ресоваться, что называется, «с нуля» и видами конного спорта, и нормативами нагрузок на конюха в конном хозяйстве, и разбивкой левады, и упряжью для тройки, и основами посадки и управления лошастью. По своей сути она обращена к начинающим, а мало кто начинает со всего сразу. Однако каждый раздел найдет своего читателя, а лошади — это как раз та сфера, где, однажды попав, многие остаются навсегда. И начав сегодня с главы о том, как правильно подойти к лошади, кто-то вернется через год уже к руководству по выбору и покупке, а там и до раздела, посвященного постройке конюшни, недалеко.

рецензии

Политика

Кто он, Александр Яковлев?

Марк Кабаков

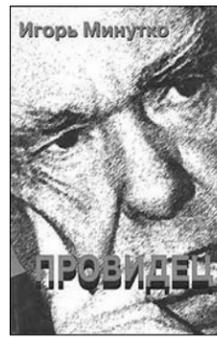
Государственный деятель, архитектор Перестройки и деревенский парнишка, отличающийся от сверстников, пожалуй, только неумной жадой знаний (12 километров по сугробам, чтобы попасть в школу, и так каждый день!). «Салага» из бригады морской пехоты, («черные дьяволы») с лейтенантскими «кубарями» в петлицах, не успевшими даже потускнеть. И вот уже человек, к словам которого прислушивается вся Европа; водоворот 1991 года — путч ГКЧП... Впрочем, отсутствует глава о жизни Александра Яковлева в Канаде, где он десять лет работал послом в «почетной ссылке». И тем не менее поразительная цельность повествования, даже когда в целом вполне реалистическая канва романа рвется откровенной мистикой

(рассказ об обретении героем образа иконы Казанской Божией Матери, утерянным во время войны). Но как это достигается? Ответ лежит на поверхности: только благодаря таланту романиста. А происхождение таланта, мне думается, разгадывать бесполезно.

Пожалуй, здесь самое время расшифровать форму, построение архитектоники романа «Провидец» — она уникальна. Сочинение состоит из семи глав и эпилога. После каждой главы — «Авторский комментарий в начале XXI века». Примерно одна четвертая часть книги — публицистика, она включает в себя архивные документы и «выборки» из газетных и журнальных публикаций, интервью, отрывки из радиоэфира и т.д. В первой главе «Пусть выбирает сам, или Про-

шание с КПСС», в третьей главе «Время без числа. Хроника 1991 года» и в седьмой главе «Без него...» присутствуют и публицистика, и художественная проза — в разных пропорциях, в зависимости от событий, которые в них происходят. И, наконец, удивительная пятая глава «19–23 августа 1991 года — путч краснокоричневых». Она выстроена только из публицистики, на 95%, если не больше, а остальное — отдано Александру Николаевичу, его участию в событиях тех трех судьбоносных августовских дней и ночей.

Игорь Минутко влюблен в Александра Николаевича Яковлева, своего героя. Почти на шести сотнях страниц нет ни одного факта, бросающего хотя бы тень на Яковлева в тех или иных обстоятельствах. Хотя, несомненно, таких

Минутко И. Провидец.

М.: Независимое издательство «ПИК», Российская политическая энциклопедия, 2010. — 560 с. 2000 экз. (п) ISBN 5-7358-0336-0

фактов не могло не быть. И опять же никакого ощущения приукрашивания не возникает. Возможно, благодаря авторским комментариям, страстным и обильным одновременно. В них проявляется автор-

ское «я». И это тоже особенность выбранного жанра.

Минутко прямо говорит о своем неприятии событий после октября 1917 года. «Бесы» по Достоевскому — вот его характеристика коммунистических вождей, прежде всего Сталина. Но у режима были свои апологеты, преданные ему беззаветно, отвергающие начисто все так называемые «перегибы». В их числе, несомненно, был в свое время и Александр Яковлев. Но... «Можно попытаться сохранить догмы. Но жизнь останавливать невозможно», — так сказал Яковлев с трибуны XXVIII съезда КПСС. Это он понял задолго до 1991 года — и именно поэтому в августе порвал с партией.

Трудно удержаться от эпитетов, когда касаться других особенностей романа, в частности, его «русскости». «Прови-

дец» — чрезвычайно русский роман. Ничего необычного в этом нет. Деды Яковлева — недавние крепостные. Сам он из глухой ярославской деревни Королево, где грамотных в его детстве было раз-два и обчелся. Мать Саши Агафья Михайловна так и не научилась читать и писать, зато все его родные были глубоко верующими людьми. Встречаются страницы, которые иначе как пейзажной лирикой не назовешь: «Распогодилось. Уже было в разгаре ослепительное июльское утро, солнце запуталось в легком зыбком тумане, который быстро рассеивался. У того утра была одна примета: вокруг все было ослепительно зелено и мокро. И в каждой капле недавнего дождя дробились солнечные лучи, превращая мириады капель в мириады алмазов»...

Секретные материалы

Сергей Шулаков

Харичев И. Кремлевские призраки: Роман в рассказах. М.: Вест-Консалтинг, 2011. — 232 с. 1000 экз. (о) ISBN 978-5-91865-058-5

Прошлое выплывает из арки, из ниши кремлевской стены — бесплотными призраками бывших вождей и их подчиненных. К счастью, автор знает, что хочет увидеть, показать читателям. Несмотря на устрашающее название, «Кремлевские призраки» — не очередной хоррор, а беллетризованное воспоминание Игоря Харичева, работавшего на серьезной должности в администрации президента Ельцина. Уровень его осведомленности понятен, и от мемуаров такого автора ожидаешь по крайней мере подробностей об этой традиционно закрытой системе.

Ожидания частично оправдываются. Игорь Харичев приводит некоторые подробности технологии власти. Вот диалог героя с его руководителем: «— Шефу (здесь — президенту Ельцину, впрочем, этика соблюдена и имена не названы — С. Ш.) надо постоянно выступать. Хотя бы раз в две недели. Объявлять то, что происходит, почему предпринимаются те или иные шаги... И отдельные интервью надо давать. Люди должны видеть его постоянно». Начальник возражает: «— Сколько раз говорили это. Но шеф не слушает. Не привык он к этому. — Тогда надо почаще вытаскивать его

на выступления по отдельным вопросам. Что, мало горячих тем? — Пиши выступления, предлагай темы». Вот она, сила аппарата. Игорь Харичев приводит и кремлевские анекдоты. Вот однажды Василий Сталин приехал без пропуска, а часовой наотрез отказался его пускать. Василий пробовал уговорить, тот уперся. Тогда сын Сталина приоткрыл дверцу машины, надежно прихлопнул ею полу шинели часового и приказал водителю трогать потихоньку: часовой семенит рядом — и страшно, и смешно... Есть и более современные, о том, как некие ушлые аппаратчик с аппаратчицей соверши-

ли грехопадение на кровати Владимира Ильича в мемориальных комнатах. Но время было сложное, и до чиновника дошло: а ну как коммунисты вернутся к власти — это что же с ним тогда будет?

Несмотря на все населяющие книгу призраки, повествование Игоря Харичева здраво и человечно — а не сенсационно или концептуально: ни разоблачений, ни рассуждений о, например, «либеральной» и «неоконсервативной» государственных моделях в нем нет. Есть материя поважнее. Игорь Харичев пытается нащупать тайны из тайн: мотивы вождей

и то, как нужно относиться сегодня к их деяниям. Вот что говорит один из героев тени Сталина: «Да, вы были обречены... Вы тиран, потому что мы были готовы к этому. Вы тиран, потому что это в каждом из нас... Потому, что каждый был в вас. Вы — наше оружие против нас самих. Это наш общий крест... Я вовсе не оправдываю вас. Но я не могу оправдать и себя. Многие вас ненавидят. Так им легче. Я не могу ненавидеть вас. Я ненавижу себя в вас». Как хотите, но для того, чтобы высказать такую позицию, нужна определенная моральная смелость.

Советский панк

Сергей Жариков

В мутном потоке изданий, ностальгирующих по «Советскому Геополитическому Пузырю», эта книга занимает особое место. Она многослойна, многозначна и просто хорошо и профессионально сделана — именно как источник: любой заинтересованный исследователь по казалось бы случайным фактам биографий случайных людей способен в ней найти ответы на многие «проклятые вопросы» современности.

С первых же страниц книги ее автор ставит читателя в тупик своей осторожной, щедрой на всяческие похва-

лы интонацией по отношению к людям, заслуги которых не то чтобы сомнительны, но представляют собой то, что обычно называют «угрюмой серостью». Однако их агрессивную среду и в особенности уровень их материальной жизни угрюмыми уж никак не назовешь. Безумный и далеко не серый праздник жизни, где эти явные фрики, наделенные государственной властью, чуют и куролесят так, что мало не покажется даже фанатам панккультуры.

Главная героиня книги — бывший советский министр культуры Екатерина Фур-

цева. Собственно, мемуары о ней — описание вакханалии стаи бешеных собак, ожидающих отстрела. И мы ничуть не преувеличиваем: только что прошел XX съезд партии — и «целибатную» машину войны под названием НКВД как раз отправили на переплавку. И понеслось...

Как вы уже, наверное, догадались, собственно к культуре явно склонная к перверсиям личность Фурцевой не имеет никакого отношения — книга лишь подтверждает эту несложную гипотезу. Да и сама должность «Министра

Любви» в совдепии сводилась к простому распределению синекур на фоне активных действий по созданию творческим людям всяческих препятствий. Хотя кто-то и здесь может обнаружить нешуточный триллер. Да, она появилась в соответствующей среде, была / не была (ненужное зачеркнуть) любовницей тогдашнего главы Никиты Хрущева, хотя, судя по фотографиям, губа у Кукурузного была не дура — отсюда и...

Кто все эти люди? Откуда они взялись? Как управляемая серыми, бездарными и никчемными людьми стра-

на просуществовала более 80 лет?! Прочитайте эту книгу сами — может, и найдете что-то, спрятанное между строк, как это было принято в людоедской совдепии, отнюдь не приказавшей долго жить, а всего лишь залившей старым гноем постсоветскую «Эрефию», уже на наших глазах скатывающуюся на дно мировой цивилизации. А как вы хотели? Чтобы больные, никчемные, закомплексованные существа управляли страной, а страна процветала? Такого нет нигде — просто потому, что в природе не бывает пустот. Полезная, тонкая книга.

Микоян Н., Медведев Ф. Неизвестная Фурцева: Взлет и падение советской королевы.

М.: Эксмо, Алгоритм, 2011. — 272 с. — (Гении и злодеи). 4000 экз. (п) ISBN 978-5-699-46175-2

Легитимация памятников

Выход двух романов Мэри Шелли (1797–1851) – знаковое событие. Прославленный «Франкенштейн, или Современный Прометей» не открытие для отечественного читателя, конечно. В имеющей давнюю образцовую репутацию серии «Литературные памятники» выходили и выходят куда менее известные тексты гораздо менее прочитанных, по крайней мере, у нас авторов. Но ведь и второй публикуемый роман Шелли, «Последний человек», впервые переводится на русский, да и сам «Франкенштейн» впервые текстологически достоверен и дополнен поме-

Шелли М.
Франкенштейн, или Современный Прометей. Последний человек / Изд. подгот. С.А. Антонов, Н.Я. Дьяконова, Т.Н. Потинцева.
М.: Ладомир, Наука, 2010. – 667 с. – (Литературные памятники). 2000 экз. (п)
ISBN 978-5-86218-492-1

щенными в комментариях авторскими вариантами.

Впрочем, значимость данного события, конечно, в своего рода легитимации Шелли, которая, что ни говори, при всей востребованности, оставалась в академическом понимании представительницей некой второстепенной линии английской литературы.

Меж тем это конечно же не так. Мэри Шелли посчастливилось быть женой великого романтика Перси Биши Шелли, которого в советском литературоведении числили по ведомству прогрессивных, – а то судьба б ей

была отправиться в стан реакционных романтиков. И отчасти это было бы справедливо. В истории фантастики (в современном ее значении, а не то можно начинать отсчет с «Гильгамеша», Гомера и Ветхого Завета) обыкновенно, поминая Шелли, все-таки родительными, фундирующими фигурами считались Жюль Верн и Герберт Уэллс. Жюль Верн прославляет разум и познание, он прозрачен и прям. Мэри Шелли разум и познание подозревает. И в этом странном смысле продолжателем Шелли, а не Жюль Верна оказывается Уэллс: его доктор

Моро вышел из «Франкенштейна», как все мы из гоголевской «Шинели».

Само собой разумеется, что есть высокая традиция восприятия «Франкенштейна», есть низовая, связанная с массовым кинематографом и давшая чудовищу имя его творца, – об этом много писали. Интересней все же прочитывать сам роман сквозь наложения массовой традиции.

«Последний человек» также окажется важным для истории литературы, рассмотренной с фантастической позиции. Если «Франкенштейну» наследует Уэллс (и много кто

далее), то «Последнему человеку», пожалуй, Олаф Стэплдон, также в нашей традиции скверно прочитанный и переведенный лишь недавно...

В истории литературы не раз случались такого рода эффектные перевороты. Второстепенные классики внезапно становятся первостепенными, а первостепенные отходят (не всегда, конечно) на задний план. Так Добычин становится значительнее А.Н. Толстого, а Китс – Байрона. Нынешний том важен, помимо всего прочего, именно доказательством первостепенности наследия Мэри Шелли.

Мужчины и ангелы

Мы многого не знаем в европейской литературе. Иногда это лишь наша вина. Иногда же писатель выступает из небытия и для всей европейской культуры. Случай Ханса Хенни Янна (1894–1959) – из таких. Нельзя сказать, чтоб он вовсе был бы исключен из внимания в нашей отчизне – Татьяна Баскакова в предисловии к рецензируемому тому цитирует монографию Т.Н. Васильчиковой «Драматургия Ханса Хенни Янна», изданную, впрочем, ульяновским университетом и наверняка малодоступную, известную лишь узким специалистам. Именно героическим, без преувеличения,

усилиям Баскаковой мы обязаны началу если не полноценного, то хотя бы просто реального знакомства с творчеством Янна. В 2003 году в №№ 9 и 64 «Митинского журнала» Баскакова опубликовала фрагменты янновской прозы, подчеркивая ее неизвестность отечественному читателю. И вот – полноценная книга (будем надеяться, что за ней последуют и другие), загадочный роман «Это настигнет каждого».

Говоря о романе, мы должны понимать, что перед нами – осколки, фрагменты незавершенного замысла. Для высокого немецкоязычного модернизма это, как ни странно, своеобразная тради-

ция – вспомним все три романа Франца Кафки, вспомним музильевского «Человека без свойств». В одной из своих работ великий филолог П.А. Гринцер писал о незавершенности текста как особом художественном приеме. Вероятно, это следует понимать не узко, но расширительно: случайные обстоятельства рождения текста могут не вступать в противоречие с особой, хрупкой, не тождественной самой себе структурой авторского сознания... Во всяком случае представляется, что с Янном (как, впрочем, и с Кафкой, хотя по совсем иным причинам) случай именно таков.

Сюжет смутен и проступает сквозь фрагменты яннов-

ского письма. Мать, главный герой – сын крупного судовладельца. Отца его родственники погибших в крушении судна моряков считают виноватым – и подростки хотят отомстить, зарезав сына. Мать спасен сыном проститутки Гари. Он требует дружбы от него и в знак преданности жертвует своим мизинцем. В течение ряда лет странная эта дружба, несущая нескрываемый гомоэротический – но и нескрываемый метафизический, что более важно в данном случае – оттенок, продолжается, и герои уже не подростки, а молодые мужчины, Гари – матрос, Мать – студент. Судя по руинам продолжения и финала, Гари

в какой-то момент соблазняет сестру Матье и убивает ее, Матье берет вину на себя. Этот сюжет, лишь в пунктирном пересказе похожий на мелодраму, на деле связан совсем с иными типами повествования. Матье визионерствует, он общается с ангелами, и роман, по сути, визионерский. Но он и о поиске Другого, о мучительных процессах растождествления телесного и духовного.

В том публикуется и ряд примыкающих к роману текстов, главный из которых – новелла или небольшая повесть «Свинцовая ночь», еще более загадочная и сомнамбулическая, нежели роман.

Янн Х.Х.
Это настигнет каждого / Пер. с нем. Т.Баскаковой.
Тверь: Kolonna Publications, 2010. – 400 с.
Тираж не указан. (п)
ISBN 978-5-98144-130-1

Леди Макбет из Трансильвании

Живущий в румынской Трансильвании венгерский прозаик Иштван Силади (р. 1938) – один из крупнейших писателей своей национальной литературы, да и, по-хорошему, весьма значимая фигура литературы европейской.

Мы очень плохо представляем себе большинство литератур мира – и не каких-нибудь экзотических, но даже и европейских. Особенно это касается Восточной Европы. Правильнее, кстати, сказать – Центральная Европа, ибо Восточная – это, вообще-то, мы.

После развала соцлагеря произошел откат внимания от этих литератур, категорически сократилось

число переводов... Конечно, есть и важные исключения. Целый ряд переводчиков и издателей немало сделали для пропаганды польской литературы, представленной в русских переводах неплохо. Но это отдельный сюжет, к польской литературе у нас всегда было ревниво-заинтересованное отношение. Другие литературы известны хуже. В том числе и венгерская – из значимых современных авторов даже квалифицированный читатель назовет, пожалуй, лишь Петера Эстерхази.

При этом надо помнить, что Силади – румынский венгр, а это очень значимая подробность. Письмо на языке национально-го меньшинства, не столь

Силади И.
Камень в сухом колодце / Пер. с венг. Ю.Гусева.
М.: Водолей, 2010. – 496 с. Тираж не указан. (п) ISBN 978-5-91763-043-4

еще давно подвергавшегося реальным репрессиям, накладывает особый тра-

гизм и особую серьезность на творчество.

С другой стороны, стоит помнить и о том, что Трансильвания – не просто историческая область, но локус с совершенно четкими смыслами обертонами. «Вампирический текст» мировой культуры волею обстоятельств связан с исторической фигурой Влада Цепеша – об этом знают многие, но еще больше людей ассоциируют с Трансильванией мрачно-привлекательную фигуру графа Дракулы...

Эти разные смыслы отчасти – пусть и косвенно – сходятся в самом известном романе Силади «Камень в сухом колодце», который был издан в 1975

году, но на русском появился только сейчас. История Ильки Сенди, зажиточной девушки из города, которая убила своего любовника – крестьянина Денеша Генци и спрятала его труп в колодце, – не криминальная драма, но трагедия более высокого порядка... Юрий Гусев, переводчик романа, поминает героиню лесковской «Леди Макбет Мценского уезда». Это хорошее сравнение, не только на уровне некоторых сюжетных параллелей, но и на уровне стилистическом. Предмодернист Николай Лесков чем-то близок позднему модернисту Силади. Преступление оборачивается безумием, распадом сознания

даже на уровне композиции романа – и здесь Силади наследует литературную традицию другого русского, любимого своего писателя Достоевского. Но если в «Преступлении и наказании» возникает религиозный катарсис, то в картине, обрисованной Силади, катарсиса нет и быть не может, и здесь он, конечно, плоть от плоти поэтики XX века.

Известный всякому читающему человеку латиноамериканский магический реализм может и должен быть сопоставлен с центральноевропейским магическим реализмом, а представители последнего достойны внимательного прочтения и понимания.

рецензии

Культура

Человек детерминированный

Анна Бражкина

Книга Марка Копшицера «Поленов» посвящена одной из ключевых персон «Абрамцевского художественного кружка», сложившегося вокруг промышленника и мецената Саввы Мамонтова. Василий Поленов (1844–1927) – причудливое явление в русской художественной и общественной жизни. Художник, погруженный в бездну мировых культурных влияний и терзаемый конъюнктурой арт-сцены, академик и передвижник одновременно, дворянин и народник, бунтарь и верноподданный, европеизатор и националист... Вся жизнь этого третьего из богатырей, стоящего рядом с Репиным и Васнецовым, прочтена Копшицером

как рафинированное отступление под давлением страшной реальности. «Сжатие» продемонстрировано с предельной полнотой – комплекс привлеченных автором исторических документов для реконструкции биографии Поленова колоссален.

Эта радикальная книга о детерминированном человеке ждала публикации почти 30 лет (сокращенный вариант «Поленова» опубликован в журнале «Дон» в конце 1970-х.).

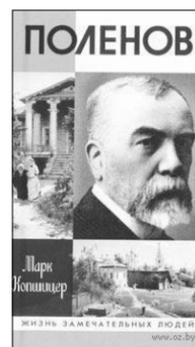
Марк Копшицер – единственный ребенок семье, трепетно привязанный к своим близким, родился в 1923 г. в Ростове-на-Дону. Окончил Ростовский железнодорожный институт и потом работал инженером в КБ маши-

ностроительного завода. Работа его тяготила, но кормила. А настоящей страстью было искусство. В 1955-м он задумал серию книг: Серов – Врубель – Нестеров – Поленов. Ростовские филологи считали его увлечение причудой. Но книга «Серов» «дилетанта» Копшицера открыла серию «Жизнь в искусстве». Она тоже о человеке в тисках «системы». И она оптимистична. Ключ к ней – слова Леонида Андреева: «*Это хорошо, когда тебя сожмут, – хочется всесторонне расширяться*».

В 1972 г. в Москве одновременно вышло второе издание «Серова» и новая книга Копшицера «Савва Мамонтов». Валентин Каверин, Корней Чуковский и Сергей

Залыгин дали Марку рекомендацию в СП. Но проголосовали за него всего 8 членов СП, против – 52. Глава отделения Петр Лебедев заявил: «*Пишет о художниках? Так пусть и поступает в Союз художников*».

Копшицеру, который 15 лет ежедневно отработывал по сути две смены – на заводе и за письменным столом, диагностировали астенодепрессивный синдром, он вынужден был уволиться из КБ. Как ни странно, в Ростовское отделение Союза художников Копшицера приняли легко и быстро. Это позволило продолжить работу над книгами. Но болезнь и одиночество заставили его отказаться от любимой мысли о мобилизующей

Копшицер М. Поленов.

М.: Молодая гвардия, 2010. – 368 с. – (Жизнь замечательных людей). 4000 экз. (п) ISBN 978-5-235-03383-2

силе гнета – в отношении истощенного человека она не верна.

«Поленова» Марк Копшицер писал именно в этот период. Лучший объект для утверждения «правды века» выбрать было бы трудно. Василий Поленов утверждал, что свобода в реальной жизни – это фикция, настоящая свобода возможна только во Христе. Это был сильный голос, озвучивший эпоху реакции. Марк Копшицер тоже жил при реакции. И 21 декабря 1982-го – в состоянии глубокой депрессии – повесился. ГАРО принять архив Копшицера на хранение отказался. Окончательный вариант «Поленова» хранится у двоюродной сестры автора – Изольды Лысенко. Сегодня эта книга со всеми ее мучительными вопросами снова актуальна.

Последний «мирискусник»

Анна Завьялова

Автора этих воспоминаний еще нужно представить: Александр Мартынович Арнштам (1880–1969) – график, художник театра и кино. Он работал для таких изданий, как «Золотое Руно», «Аргус», «Солнце России», оформил ряд книг, в том числе сборники Иннокентия Анненского и Максимилиана Волошина, принял участие в качестве экспонента в двух выставках объединения «Мир искусства» (1915 и 1916 годы). Впрочем, воспоминания Александра Арнштама посвящены, по его собственным словам, «только лично, никакой истории, никакой политики».

Но читатель не будет разочарован. В части повествования, посвященной детству художника в родительском

доме в Москве и самостоятельной жизни уже с собственной семьей в Петербурге, Александр Арнштам создает удивительные по своей убедительности зарисовки повседневной жизни в России начала XX века. Порой это целые картины в словах, как, например, описание колокольного звона, которое открывает воспоминания, или интерьер комнаты, в которой жена читает детям, – сам автор сравнил эту «картину» с полотнами импрессионистов. А еще – рассказ о жизни на даче, соседями по которой и приятелями были Илья Репин и Корней Чуковский. Эпизоды с их участием автор излагает исключительно в контексте частной жизни своей семьи. Такой же

Арнштам А. Воспоминания / Пер. с фр. М. Германа; Науч. ред. и ком. О. Коростелева.

СПб.: Издательство им. Н.И. Новикова, 2010. – 164 с.: ил. 3000 экз. (п) ISBN 978-5-87991-097-1

характер носят его воспоминания о первых годах советской власти, аресте и жизни

в заключении, где художник писал портреты надзирателей и оформлял спектакли в театре Бутырской тюрьмы.

Как бы из отдельных разрозненных эпизодов состоит часть воспоминаний Александра Арнштама, посвященная жизни его семьи в эмиграции, сначала в Берлине, затем в Париже. Там он работал в области оформления книги, принимал участие в создании эмигрантского издательства «Academia» в Берлине, работал в театре и стал одним из первых художников кино. Эти страницы опять же наполнены деталями повседневной жизни эмигрантов: сменами отелей, поисками работы, учебной работой в школе – на новом языке, столкновение с нацизмом сначала в Берлине, затем

в Париже во время Второй мировой войны. Кажется, ничего особенного, но именно поэтому, возможно, Александру Арнштаму удастся передать дух эпохи, сохранить для будущих поколений хрупкую, исчезающую навсегда «культуру повседневности», которую часто невозможно восстановить по прошествии времени. Подробности культурного контекста отражены в основательных комментариях, составленных филологом Олегом Коростелевым. Перевод же выполнил Михаил Герман, автор книг по искусству Франции, насколько содержательных, настолько же увлекательных и изящных по изложению. Он также является автором послесловия, из которого

можно узнать историю возвращения имени Александра Арнштама в Россию.

Книга включает два блока иллюстраций (доэмигрантский и эмигрантский) с фотографиями А.М. Арнштама и членов его семьи, а также воспроизведениями работ художника. Так, читатель сможет увидеть, что в начале своей деятельности художник принадлежал к графической культуре, которая сформировалась в России начала XX века благодаря деятельности объединения «Мир искусства», а в эмиграции он проявил себя как яркий мастер портрета, в том числе в стиле ар деко, соединявшем в себе достижения графической культуры рубежа XIX–XX вв. с открытиями авангарда.

Полкило Ван Гога

Андрей Чегодаев

Искусствовед и супруга художника, Пирושка Досси, не побоялась людской молвы и написала книгу об искусстве как о товаре. Рынок искусства – мир закрытый, но он не менее сложен и интересен, чем, к примеру, фондовая биржа. Разница заключается в том, что вместо акций там покупаются и продаются картины, скульптуры, фотографии. Работы старых мастеров сродни стабильным, но мало доходным голубым фишкам, произведения эпохи модерна походят на акции роста, а современное искусство – это венчурные инвестиции, которые не факт, что окупятся, но уж если это произойдет, их хозяин гарантированно разбогатеет.

Но если большинство рынков работает на основе эконо-

мических законов, то в случае с рынком искусства это не совсем так. Цена на определенное произведение не всегда зависит от спроса, предложение или качества работы. Почему картины Ван Гога стали считаться шедеврами (и, соответственно, взлетели в цене) только после смерти художника, а Пикассо был востребован еще при жизни? Значит ли это, что первый хуже второго? Еще сложнее – с современным искусством: как понять, какое из произведений является достойным покупкой, а какое нет? Что является критерием качества? Может быть, это оценочная аукционная стоимость – но как она образуется? Или участие в музейной выставке – но насколько непредвзяты музеи, зависимые от меценатов-

собираателей, желающих поднять цену на свои коллекции? Ответы на эти вопросы и пыгается дать автор, постепенно приходя к выводу, что момент ценобразования не отделим от вопроса о статусе искусства как такового.

Пирושка Досси рассматривает музеи, коллекционеры, торговцев и художников не как дружную компанию, образующую наше понятие о «сфере искусства», но как основных игроков рынка со своими интересами. Вникать в интриги галеристов (не путать сарт-дилерами), наблюдать за стратегиями крупнейших аукционных домов и следить за саморекламой художников зачастую довольно увлекательно. Залогом увлекательности не в последнюю очередь является извест-

Досси П. Продано! Искусство и деньги / Пер. с нем. Е. Волковыского. СПб.: Лимбус-Пресс, 2011. – 288 с. 3000 экз. (п) ISBN 978-5-8370-0553-4

ное лицемерие и цинизм, сосуществующие с тягой к прекрасному и искренней любовью к искусству: один неверный шаг, и вот уже идет

слух, что тот или иной музей «продан» своему спонсору, или, наоборот, секундная слабость – и незадачливый покупатель оказывается на руках с картиной, бесперспективной с точки зрения инвестиций.

К сожалению, русское название книги слегка искажило ее суть: английский эквивалент, «Нуре!», означает неумеренный ажиотаж, истерию, охватившую рынок произведений искусства в последние докризисные годы (в Германии книга была издана в 2007 году). Более нейтральное «Продано!» не отражает негативной стороны происходящего, даром что автор открыто об этом пишет. Да-да, как бы фрау Досси не старалась сохранить нейтралитет, ей

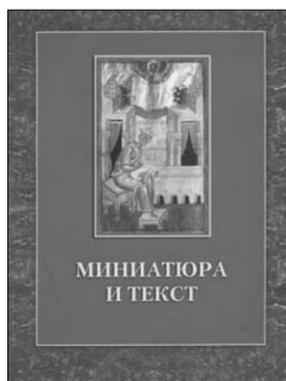
все-таки не удалось отказаться от оценочного восприятия сращивания искусства и бизнеса. Она очень осторожно оценивает положительное влияние «невидимой руки рынка» на искусство, мотивируя это тем, что искусство законам экономики не подвластно. Наверно, именно эта принципиальная позиция, не позволяющая взглянуть на проблему с разных ракурсов, является основным недостатком книги.

Нужно сказать, что если читатель надеется узнать из этой книги ответы на такие вечные вопросы, как «что же такое искусство?» и «есть ли у бесценного цена?», то их он здесь не найдет. Зато получит немало пищи для размышлений и выработки собственного мнения.

①

②

③

④

⑤

⑥

①

В честь памятника

«Калевала» в контексте региональной и мировой культуры: Материалы международной научной конференции, посвященной 160-летию полного издания «Калевалы».

Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2010. – 554 с. 300 экз. (о) ISBN 978-59274-0427-8

Мы присутствуем при крайне захватывающем возрождении финно-угорской метанациональной утопии: это проявляется и в глубинных исследованиях старинных памятников, и в живом творчестве (стоит вспомнить хотя бы стихи Сергея Завьялова!). Конечно же в этом смысле «Калевала» – важнейший знак финно-угорской идентичности, главный памятник. Нынешний том посвящен юбилею научной публикации этого эпического памятника. В книге представлены работы исследователей из России и Финляндии, они рассматривают и эдиционную историю текста, и его стих, и систему образов, и контекстуальные связи.

②

Синтетическая книга

Гордиенко Э., Семячко С., Шибяев М. Миниатюра и текст: К истории Следованной псалтири из собрания Российской национальной библиотеки F. I. 738.

СПб.: Пушкинский Дом, 2011. – 248 с. 1000 экз. (о) ISBN 978-5-91476-016-5

Нынешнее издание – публикация уникальной рукописи, хранящейся в Российской национальной библиотеке. История этой

рукописи, по словам публикаторов, «почти детективная»: для профессиональных книжников, очевидно, приключение книги оказывается ничуть не менее занимательным, нежели сенсационно преподнесенное уголовное расследование, представленное вниманию далекого от какого бы то ни было чтения обывателя. Ценна здесь, однако ж, с моей точки зрения, та тщательность и внимательность, с которыми публикаторы подошли к тексту Следованной псалтири. Само по себе это издание напоминает нам, насколько в иные века книга была синтетическим произведением, совмещающим смысл сообщаемого духовного текста с восхитительным искусством каллиграфии и графики. Можно только пожалеть о том утраченном – в большинстве своем – синтезе словесного и визуального рядов.

③

Способность к рефлексии

Конструкты национальной идентичности в русской культуре XVIII–XIX веков: Материалы конференции: Апрель 2008 г. / Под ред. Р.Нохейль, Ф.Карл, Э.Шоре.

М.: РГГУ, 2010. – 356 с. 500 экз. (о) ISBN 978-5-7281-1179-5

Национальная идентичность – вещь двусмысленная, в наше политкорректное время любое размышление о таких материях требует от размышляющего собранности и глубокой способности к рефлексии. Впрочем, именно в немецкой науке – по результатам непростого бытия Германии в минувшем веке – подобная рефлексия более, чем где бы то ни было, на высоте. Сборник, посвященный концептам национальной идентичности в отечественной культуре и истории, подготовлен группой исследователей из Фрайбургского университета. Тематика представленных работ разнообразна – от становлений гендера в восемнадцатом

том веке до параллелей между утопиями М.М. Щербатова и сорокинским «Днем опричника».

④

Семиотические штудии

Культура в фокусе знака: Сб. науч. тр. / Ред. В.Ю. Лебедев, А.Г. Степанов.

Тверь: СФК-офис, 2010. – 440 с. 200 экз. (о) ISBN 978-5-91504-011-3

Посвященный различным аспектам семиотического знания сборник вышел в Твери, что неудивительно: кафедра теории литературы Тверского госуниверситета давно пользуется вполне заслуженным авторитетом в филологических кругах. Немалая часть материалов тома посвящена семиотическому подходу к синкретической культуре средневекового христианства. Но здесь мы встретим и мифологические исследования (А.М. Полторацкий), и размышления о геополитических концептах (Л.Ф. Чертков; Б.Ф. Шифрин), и взгляд на эстетику Сигизмунда Кржижановского (Е.Г. Трубецкова), и новые подходы к «Дневнику писателя» Достоевского (Г.С. Прохоров).

⑤

Стиль и остроумие

Зиник З. Эмиграция как литературный прием.

М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 264 с. 1000 экз. (п) ISBN 978-5-86793-865-9

Живущий уже много лет в Великобритании, Зиновий Зиник – пожалуй, один из самых недооцененных прозаиков русско-

язычной ойкумены. Входя в круг учеников Павла Улитина (вместе с поэтами Михаилом Айзенбергом, покойными Леонидом Иоффе и Евгением Сабуровым), Зиник был и остается одним из самых изысканных стилистов, пишущих ныне по-русски. Этот вышедший том, впрочем, оставаясь превосходным как собрание художественных текстов, в значительной степени оказывается фактом репрезентации как раз эмигрантского опыта. Разнообразные сюжеты, от столкновения с семьей В.В. Набокова до самой проблематичности эмигрантского бытия, Зиник обыгрывает блестяще и остроумно.

⑥

Просто тексты

Литеры: Проза. Поэзия. Драма / Сост. В.Лебедева, Э.Сухова.

М.: Воймега, 2011. – 288 с. 200 экз. (о) ISBN 5-7640-0113-7

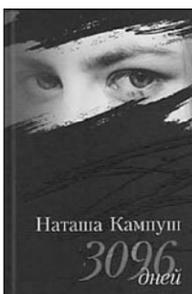
Сборник «Литеры» посвящен десятилетнему Совещанию молодых писателей в Переделкино. Глупо было бы рассуждать не тему полезности или бессмысленности подобных совещаний, вспоминать влияние на судьбы молодых (или, лучше сказать, пока неизвестных) авторов аналогичных «совпосовских» сборищ... Сейчас – иное. Да, такие совещания бессмысленны, беспощадны, но, разумеется, веселы для участников.

Речь наша, впрочем, не о самом совещании, но о книге. Она неожиданно прилично составлена (спасибо прекрасному издательству «Воймега»), но конечно же не является сколь-нибудь репрезентативной. Так что остается просто читать хорошие тексты – поэтов: Ольги Нечаевой, Всеволода Константинова, Андрея Егорова, Инги Кузнецовой, Евгения Лесина, Леты Югай, Елены Исаевой, прозаиков: Марты Кетро и Александра Снегирева, драматургов Вадима Леванова и Максима Курочкина.

Автор рецензий – Данила Давыдов

Анна Черникова

Хореография кошмара

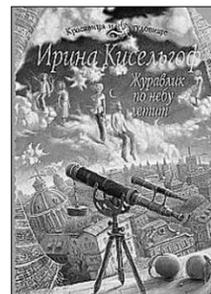

Кампуш Н., Гронемайер Х., Мильборн К. 3096 дней / Пер. с нем.
М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011. – 320 с. 6000 экз. (п) ISBN 978-5-373-04025-9

Исследования показывают: чаще насильно подвергаются обычные или неуверенные в себе, запуганные или излучающие страх люди. Именно такой была в день похищения Наташа Кампуш, когда одним изящным, почти хореографическим движением незнакомый мужчина закинул ее в свой автофургон. Десятилетней девочкой она оказалась запертой в холодном, пропахшем плесенью подвале. Очень трудно представить и объяснить, что могут сделать с человеком изоляции от окружающего мира, бесконечные побои и унижения... Наташа пробыла в заточении у Вольфганга Приклопила 3096 дней. В своей книге она пытается понять, какие «точки опоры» позволили ей остаться в здравом рассудке. Помогло и то, что Наташа была ребенком, привыкшим «подчиняться авторитету взрослых – особенно если они предупреждали о последствиях», и множество изобретенных девочкой маленьких ритуалов, и занятия литературой.

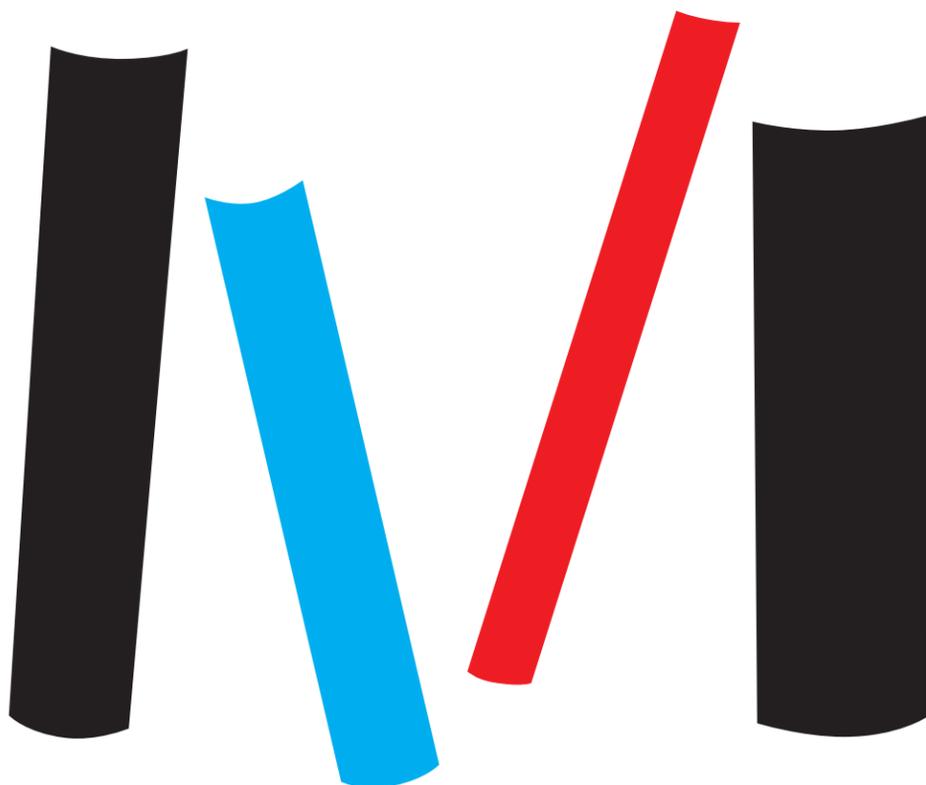
Капитолина Берк

Кладбище реальных вещей

Кисельгоф И. Журавлик по небу летит.
М.: Эксмо, 2011. – 320 с. – (Красавица и чудовище. Проза Ирины Кисельгоф). 7000 экз. (п) ISBN 978-5-699-48016-6

Ирина Кисельгоф – врач, освоивший несколько медицинских специальностей. В романе «Журавлик по небу летит» чувства и поступки своих героев она разбирает подробно и вдумчиво, как историю болезни. Начинается все с того, что главные герои переезжают на новую квартиру – новая обстановка, новые соседи, новые отношения. Только отношения эти быстро превращаются в причудливые любовные многоугольники, в которых любовь уже не отделишь от ненависти. Повествование ведут трое: новоселы – Мила, любимая жена и мать, ее сын Миша и соседская девочка Лиза, так что читатель может увидеть историю глазами влюбленных подростков и взрослой женщины, стремящейся спасти рушащееся из-за их влюбленности семейное счастье. К тому же в рассказы Милы, Миши и Лизы вплетаются истории других людей – матери-одиночки с любовью в прошлом, старушки, вспоминающей свою жизнь, – и других...

6 московский
международный
открытый
книжный
фестиваль

10 –
13
июня
2011

ЦДХ
крымский
вал
10

Патронат

Федеральное Агентство по печати
и массовым коммуникациям
Общественная палата РФ

Организаторы

Международная конфедерация
союзов художников
Центральный Дом Художника
Региональный общественный фонд
поддержки художественных проектов

В программе фестиваля:

книги, кино, музыка, выставки,
медиа-арт, Euroreadings,
детская программа

Параллельные события:

Books & Music / Vinyl Club /
винил / CD / аксессуары /
книги / букинистика / гравюры

Центральный Дом Художника

119049, Москва,
Крымский вал, 10
+7 (499) 238 12 45
+7 (499) 657 99 22 доб.227, PR
E-mail: cha@cha.ru
www.cha.ru
www.moscowbookfest.ru

www.moscowbookfest.ru

Новинки от издательства «Альпина Паблишерз»

Кетс де Врис М.
Секс, деньги, счастье и смерть: В поисках себя / Пер. с англ.
М.: Альпина Паблишерз, 2011. — 312 с.

Как современному человеку достичь гармонии между собой и окружающим миром? Как стать счастливым? И обязательно ли для этого нужны деньги? Наконец, надо ли бояться смерти? На страницах книги известный психолог и специалист в области управления Манфред Кетс де Врис ищет ответы на эти важнейшие жизненные вопросы. Используя свой опыт и знания в сферах менеджмента и психотерапии, он пытается получить «трехмерное изображение» человека и понять его сложнейшую природу. Готовых рецептов не существует, все ответы нужно искать внутри себя, но для этого придется совершить трудное и увлекательное путешествие в глубь своей души.

Шоул Дж.
Реальные полномочия: Самостоятельность сотрудников как ключ к успеху / Пер. с англ.
М.: Альпина Паблишерз, 2011. — 183 с.

Клиентов не интересуют корпоративные правила и регламенты. Любой покупатель хочет, чтобы к нему относились как к дорогому гостю, которому всегда идут навстречу. А это возможно только тогда, когда рядовой персонал — продавцы, клерки, консультанты — может самостоятельно, без вмешательства руководства, решить практически любую проблему клиента на месте и сразу. Джон Шоул, эксперт мирового уровня в области сервиса, на примерах из реальной жизни показывает, что качественный сервис возможен только тогда, когда у рядовых сотрудников есть реальные полномочия действовать на свое усмотрение ради клиента, даже если для этого и потребуются нарушить какие-то правила.

Обсоно Э.
Экстремальная Toyota: Парадоксы успеха японского менеджмента / Пер. с англ.
М.: Альпина Паблишерз, Издательство Юрайт, 2011. — 286 с.

Авторы книги сделали революционное открытие. Оказывается, своим успехом Toyota обязана не столько системе бережливого производства, сколько уникальному подходу к маркетингу, продажам и управлению персоналом. Toyota намеренно сталкивает противодействующие силы и идеи друг с другом, чтобы они побуждали ее к постоянному самообновлению и поиску новых путей развития.

Могут ли другие компании перенять бизнес-модель Toyota? По мнению авторов, эта модель универсальна, главное — принять противоречия как образ жизни и научиться ими управлять.

Книга рекомендована руководителям компаний, менеджерам и всем, кого интересует феноменальный успех Toyota.

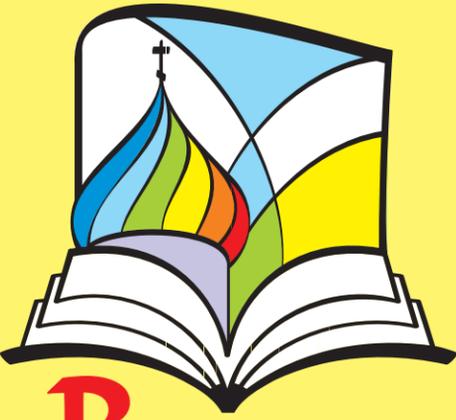

Шумилин А.
Карты, деньги, фитнес-клуб: Практическое руководство для менеджеров по продажам.
М.: Альпина Паблишерз, 2011. — 126 с.

Несколько лет назад фитнес-клуб был составляющей имиджа успешного человека. Сегодня многие понимают, что занятие фитнесом — это забота о своем здоровье, а не статусное излишество. По всей России растет количество фитнес-клубов, а с ними и доступность фитнеса для населения. При этом очень важно сохранить высокие стандарты работы с клиентами.

Данная книга рассматривает один из самых важных этапов — привлечение клиентов и является практическим пособием для менеджеров по продажам. Она построена по принципу тренинга и включает в себя теоретические блоки, конкретные инструменты, практические задания и примеры из жизни менеджеров по продажам клубных карт. Все представленные инструменты и примеры взяты из опыта продаж на российском рынке, что делает книгу особенно практичной.

По вопросам оптовых закупок: тел.: (495) 980 5354, sale@alpinabook.ru.
Интернет-магазин издательства: тел.: (495) 980 8077, www.alpinabook.ru

Радость
Слова

24-29

мая 2011 г.

г. Нижний Новгород
Всероссийское ЗАО
«Нижегородская
ярмарка»,
павильон № 3,
ул. Совнаркомовская, 13

Межрегиональная книжная выставка-ярмарка

«РАДОСТЬ СЛОВА»

ТЕМАТИЧЕСКИЕ РАЗДЕЛЫ ВЫСТАВКИ:

- издательства детской, образовательной, учебной, православной, русской, зарубежной, справочно-информационной литературы;
- электронные книги и развивающие игры;
- печатные СМИ, полиграфия, типографии.

СТРУКТУРА ВЫСТАВКИ:

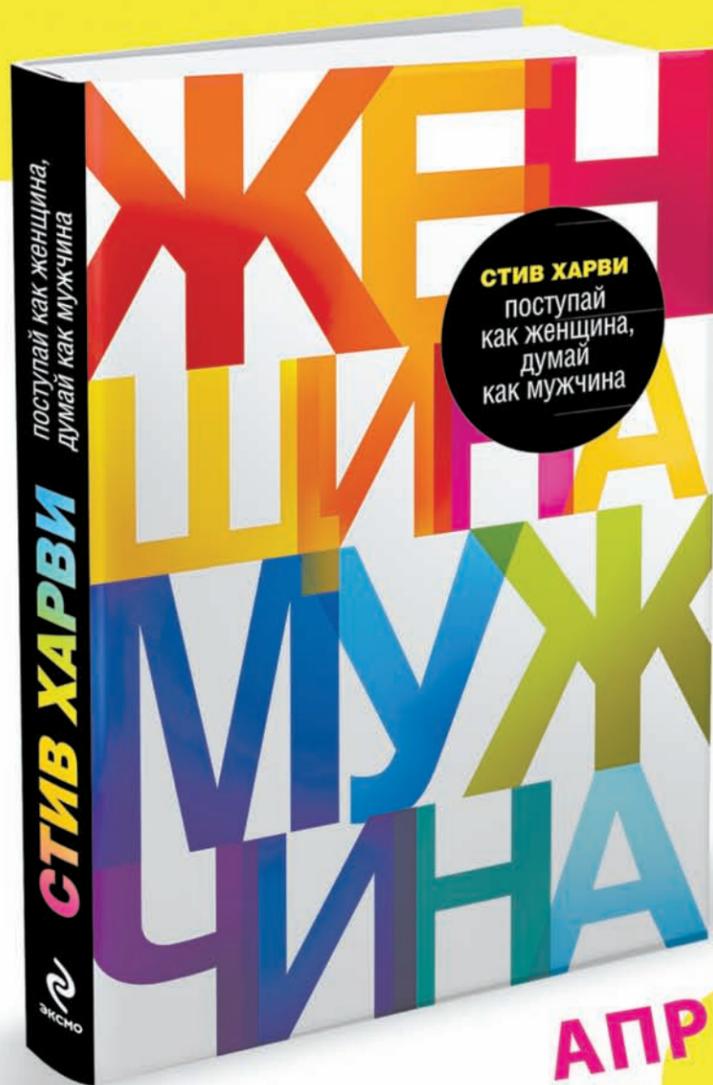
- информационно-торговая экспозиция;
- деловая и социально-культурная программы.

Приглашаем к участию книжные издательства, книготорговые сети, книгораспространителей, библиотеки

ГОРОДА ПРОВЕДЕНИЯ КНИЖНЫХ ВЫСТАВОК-ЯРМАРОК
«РАДОСТЬ СЛОВА» В 2011 ГОДУ:

• ТЮМЕНЬ • РОСТОВ-НА-ДОНУ • ВОРОНЕЖ • ЯРОСЛАВЛЬ • БЕЛГОРОД

Выставочная компания «Узорочье»
Тел./факс: +7(495)730-59-66, 730-56-69, www.vk-uzor.ru

**БЕСТСЕЛЛЕР
ПО ПСИХОЛОГИИ**

№1

- абсолютный бестселлер по рейтингам продаж (ТД Москва, МДК, Молодая Гвардия, Библиоглобус, ozon, сетей Новый книжный и Буквоед)
- №1 в сводном рейтинге продаж pro-books.ru за год
- 20 000 000 экз. продано в мире, более 100 000 экз. - в России
- внесезонный бестселлер, актуален весь год

«Отличная книга. Написана кратко, чётко, ясно - прямо-таки конспект руководства к действию. Как дипломированный психолог, перечитавший кучу литературы по проблеме взаимоотношения мужчин и женщин, РЕКОМЕНДУЮ всем. И мужчинам тоже.»

Martynova Daria, 32 года

АПРЕЛЬ - МАЙ
— ФЕДЕРАЛЬНАЯ РЕКЛАМНАЯ КОМПАНИЯ

www.knigoboz.ru

В Москве:

«Библио-Глобус» ст. м. «Лубянка», ул. Мясницкая, 6. Тел. 924-46-80

«Богословская книга» ст. м. «Пролетарская», ул. Иерусалимская, 3. Тел.: 670-22-00, 670-76-44

«Гиперион-БУК» ст. м. «Римская», «Площадь Ильича», ул. Рабочая, 38. Тел.: +7 916 613 42 86

«Джаббервоки» ул. Покровка, 47/24, стр. 1. Тел.: (495) 917-59-44

«Додо» Рождественский бульвар, д.10/7. Тел.: (495) 628-67-38

Книжная лавка при Литинституте им. А.М.Горького ст. м. «Тверская», Тверской бул., 25. Тел. 694-01-98

Книжная лавка ВГБИЛ ст. м. «Таганская»-кольцевая, «Китай-город», ул. Николаювская, 1, центральный вход. Тел.: 915-31-00

«Книжный при музее» («Диолковский») ст. м. «Лубянка», Новая площадь, 3/4, Политехнический музей, подъезд 7Д. Тел. 628-64-42

«Летний сад» ст. м. «Библиотека им. Ленина», Книжная лавка при РГБ. Тел. 622-83-58

«Молодая гвардия» ст. м. «Полянка», ул. Б. Полянка, 28. Тел.: 238-50-01

Московский Дом книги ст. м. «Арбатская», ул. Новый Арбат, 8. Тел.: 203-82-42, 203-75-60

«Москва» ст. м. «Пушкинская», «Тверская», ул. Тверская, 8. Тел. 629-64-83

«Книжница» ст. м. «Таганская»-кольцевая, ул. Нижняя Радищевская, 2. Тел. 915-27-97

«Фаланстер» ст. м. «Пушкинская», Малый Гнездицкий пер., 12/27. Тел. 749-57-21

Амитель
Сеть книжных магазинов «Амитель» г. Воронеж: ул. Ф. Энгельса, 52.

Свежий номер «КО» можно купить в магазинах:

книжный супермаркет. Тел. (4732) 61-01-52
Московский просп., 129/1, ТРЦ «Московский Проспект», 3-этаж. Тел. (4732) 69-55-64

пл. Чернышевского, 1 (здание жд-вокзала). Тел. (4732) 65-46-52

ул. Плехановская, 33. Тел. (4732) 52-57-43

ул. Челюскинцев, 88а, оптово-розничный книжно-канцелярский магазин. Тел. (4732) 71-44-70

Ленинский просп., 153. Тел. (4732) 23-17-02

Ленинский просп., 174п, ТРЦ «Максимум», 3-этаж. Тел. (4732) 26-77-77

ул. Театральная, 19, магазин распродаж. Тел. (4732) 54-56-22

ул. Ю-Моравская, 74. Тел. (4732) 31-87-02

ул. Хользунова, 35. Тел. (4732) 46-21-08

ул. Лизюкова, 66а. Тел. (4732) 47-22-55

ул. Плехановская, 33. Тел. 52-57-43

г. Новохоперск: ул. 25 лет Октября, 25. Тел. (47353) 3-17-02

г. Богучар: ул. Дзержинского, 4. Тел. (47366) 2-12-90

г. Поворино: ул. Советская, 87. Тел. (47376) 4-28-43

г. Россошь: Октябрьская пл., 146. Тел. (47396) 5-28-01
пр. Труда, 26. Тел.: (47396) 5-28-05, 5-28-07

г. Семилуки: ул. Гагарина, 30. Тел. (47372) 2-06-37

г. Калач: Колхозная пл., 23. Тел. (47363) 2-18-57

г. Лиски: ул. Коммунистическая, 21 (ТЦ «Корона», 0-этаж). Тел. (47363) 4-16-71

г. Липецк: ул. Берзина, 3а. Тел. (4742) 33-91-60; факс (4742) 33-88-16

пр.60 лет СССР, 37 (ТД «Спутник»). Тел. (4742)41-21-11

ул. Плеханова, 54. Тел. (4742) 27-23-40

ул. Плеханова, 7. Тел. (4742) 47-02-53; 27-31-15

г. Елец: ул. Советская, 77. Тел. (4746) 74-64-38

ул.Радиотехническая, 5, (ТЦ «Эльта»). Тел. (4746) 4-64-38

г. Задонск: ул. Степанищева,10. Тел. (4746) 2-10-95

г. Белгород: ул. 50 лет Белгородской обл., 126. Тел. (4722) 58-39-36

ул. 50 лет Белгородской обл., 119 (ТЦ «Овен», 0-этаж). Тел. (4722) 32-02-85

ул. Губкина, 21 (ТЦ «Агропром»). Тел. +79202044756

ул. Вокзальная,1 (здание жд-вокзала). п.Дубовое, (ТРК «Сити Молл «Белгородский», 2-этаж). Тел. (4721) 7-35-57

г. Губкин: ул. Дзержинского, 115. Тел. (4721) 7-35-57

г. Старый Оскол: мрн. Олимпийский, 56а. Тел. (4725) 42-81-48

мрн. Олимпийский, 63, (ТЦ «Оскол», 0-этаж). Тел. (4725) 39-00-15

мкр. Юность, 3. Тел. (4725) 40-02-58

мкр. Восточный, д.2В. Тел. (4725) 43-47-31

г. Курск: ул. К. Маркса, 49. Тел. (4712) 58-48-67
пр. Хрущева, 5а (2-й этаж, ТЦ «Европа»). Тел. (4712) 51-91-15
ул. Щепкина, 4Б, (ТРЦ «Манеж»)

В Санкт-Петербурге:

ООО «Санкт-Петербургский Дом книги» Невский просп., 28. Тел. (812) 448-23-55

Частное учреждение культуры «Дворец культуры им. Крупской» Проспект Обуховской обороны, 105. Тел. (812) 412-45-08

В Иркутске:

Книготорговая группа
ПродаЛитЪ

«Мир книг» ул. Фурье, 8. Тел. (3952) 24-05-98

«Книга-маркет» ул. Улан-Баторская, 2. Тел. (3952) 52-63-39

«Иркутская книга» ул. К. Маркса, 12. Тел. (3952) 201-911

«ПродаЛитЪ» ул. Байкальская, 172. Тел. (3952) 51-30-70

«ТЦ ПродаЛитЪ» ул. Партизанская, 1. Тел. (3952) 20-66-07

«ПродаЛитЪ» Советский пер., 1. Тел. (3952) 51-82-95

г. Ангарск: «Ангарский ПродаЛитЪ» ул. Ленина, 30. Тел. (3951) 52-82-69

г. Братск: «Братская книга» ул. Крупской, 27. Тел. (3953) 42-85-06

В Нижнем Новгороде:

Сеть магазинов «Дирижабль»: ул. Большая Покровская, 46. Тел. (831) 4-340-305

ул. Большая Покровская, 46. 2-й этаж – Литературное кафе «Библиотека» Тел. (831) 433-89-34

ул. Белинского, 118. Тел. (831) 278-78-47

ул. Щербаковская, 2. Тел. (831) 270-45-66

МАГИСТР КНИГИ

В Ростове-на-Дону:

Сеть магазинов «Магистр» Магистр-Чехова ул. Чехова, 31. Тел. (863) 263-53-31

Магистр-Универсальный ул. Б. Садовая, 67. Тел. (863) 299-98-96

Магистр-Журавлева пер. Журавлева, 48/144. Тел. (863) 263-40-98

Магистр-Северный ул. Королева, 22/30. Тел. (863) 248-63-87

В Таганроге:

Магистр-Таганрог ул. Петровская, 42. Тел. (824) 32-40-01

В Волгодонске:

Магистр-Волгодонск ул. 30-летия Победы, 9. Тел. (292) 7-43-78

В Ставрополе:

Магистр-Ставрополь ул. Голенева, 49. Тел. (8652) 26-62-95

В Молдове:

"Liga Presei" Chisinau. bd. Stefan cel 196. Тел. +373-22-21-85

В Риге:

Sia Yanus: Рига, ул. Езуобазницас, 7а. Тел. магазина (+371) 722-17-78, 722-17-76
Тел. оптового склада (+371) 722-14 67

На Украине:

ДП «Саммит-книга» г. Киев, ул. М. Берлинского, 9. Тел. +380-44-501-93-94

В Берлине:

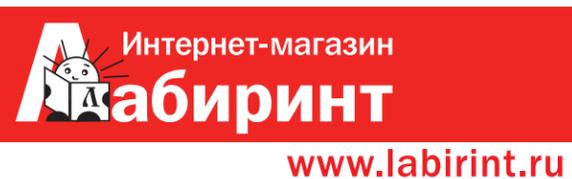
«Русские книги» Кантштрассе 84 10627. Тел. 030/323-48-15
Русский дом науки и культуры «Русские книги» Фридрихштрассе 176-179 10117. Тел. 030/200-76-164

Рейтинги продаж интернет-магазинов

место	автор, название, издательство
1	Адель Фабер, Элейн Мазлиш. Как говорить, чтобы дети слушали, и как слушать, чтобы дети говорили. М.: Эксмо, 2011.
2	Грег Мортенсон, Дэвид Оливер Релин. Три чашки чая. М.: Эксмо, 2011.
3	Масару Ибука. После трех уже поздно. М.: Альпина нон-фикшн, 2011.
4	Кармин Галло. Правила Джобса. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2011.
5	Стивен Р. Кови. 7 навыков высокоэффективных людей. Мощные инструменты развития личности. М.: Альпина Паблишерз, 2011.
6	Кит Мелтон, Роберт Уоллес. Секретная инструкция ЦРУ по технике обманных трюков и введению в заблуждение. М.: Альпина нон-фикшн, 2011.
7	Ричард Темплар. Правила родителей. М.: Альпина нон-фикшн, 2011.
8	Элла Мартино. Вкус Тосканы. М.: Эксмо, 2011.
9	Глеб Архангельский. Ежедневник: Метод Глеба Архангельского. М.: Альпина Паблишерз, 2011.
10	Мэрилин Монро. Жизнь, рассказанная ею самой. М.: СЛОВО/SLOVO, 2011.

место	автор, название, издательство
1	Рони Орен. Секреты пластилина. М.: Махаон, 2010.
2	Йоко Сано. Сказка про kota, который жил миллион раз. СПб.: ДЕТГИЗ-Лицей, 2011.
3	Светлана Жданова. Лисий хвост, или По наглой рыжей моське. М.: Альфа-книга, 2011.
4	Алекс Кош. Огненный орден. М.: Альфа-книга, 2011.
5	Линда П. Шеппер. 500 узоров вязания крючком: Энциклопедия рукодельницы. Харьков: Клуб семейного досуга, 2009.
6	Эрин Хантер. Четвертый оруженосец. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011.
7	Адель Фабер, Элейн Мазлиш. Как говорить, чтобы дети слушали, и как слушать, чтобы дети говорили. М.: Эксмо, 2009.
8	Андрей Усачев. Умная собачка Соня. М.: Оникс, 2010.
9	Свен Нурдквист. История о том, как Финдус потерялся, когда был маленький. М.: Мир Детства Медиа, 2011.
10	Сергей Махотин. Прогулки по лесу. М.: Белый город, 2007.

Блудливый Хэнк

Если представить, что все книжки, что входят в колонки рейтинга, купили совсем не разные люди, а один человек, решивший обеспечить себя интеллектуальной провизией на месяц апрель вперед, то «собираемый образ героя» получится не таким уж странным. Может быть — чуть-чуть коллажный, местами бледноватый, а местами, наоборот, чересчур пестрый, но он не будет противоречивым, даже непоследовательным его, пожалуй, нельзя будет назвать. Портрет этот отчасти напоминает любительскую фотографию Хэнка Муди — главного героя знаменитой «Калифорнии» («Californication»). Сходство не полное, но очевидное. Что мы знаем о Хэнке? «Писатель. Не практикующий». Блоггер. Вот и наш читатель: не чужд сочинительству, но, из-за творческого кризиса и неудач в личной жизни, ищет силы и вдохновение в... еде, молитвах и любви (Элизабет Гилберт и Сталик Ханкишиев), путешествиях по дальним краям (тур по Франции с Познером и Ургантом, Италия с Ганопольским), а находит в итоге — в чужих жизнеописаниях (Гагарин, Мэрилин Монро, Раневская, Толстой, Горький и Лилиана Лунгина).

Идем дальше: Хэнк не упускает случая подражать и сказать людям все, что о них думает. Поэтому часто оказывается в ситуации, когда человек в форме рассказывает ему о его правах. А одетый в костюм, Дэвид Духовны резонно замечает: «Я похож на долбаного агента ФБР». Что у нас? — «Секретная инструкция ЦРУ по технике обманных трюков и введению в заблуждение», и, конечно, Михаил Ходорковский (четвертое место среди книг в переплете), и «Федеральный закон о полиции» — на первом месте среди книг в обложках.

Следующий пункт — женщины. Муди и дамский угодник — это синонимы, вот и наш герой мечтает пользоваться у противоположного пола большим и несомненным успехом. Поэтому целых четыре пункта, почти половина списка «non-fiction», отдельные издания в мягких обложках, призванных объяснить, чем жители Марса отличаются от обитателей Венеры, то есть почему мужчины «любят, но не женятся», или женятся, но «поступают, как женщины», ну и прочие законы привлекательности. Не будем забывать, что Хэнк при этом очень любит свою дочь и старается быть ей не только хорошим отцом, но и другом. «Наш Хэнк» тоже заботится о воспитании своего ребенка: читает «Правила родителей», учится говорить так, «чтобы дети слушали», и слушать так, «чтобы дети говорили».

Вера Бройде

Fiction

переплет

место	автор, название, издательство (пред. нед. / всего нед.)
1	(1/2) Татьяна Устинова. С небес на землю. М.: Эксмо, 2011.
2	(5/7) Людмила Улицкая. Зеленый шатер. М.: Эксмо, 2011.
3	(2/4) Пауло Коэльо. Валькирии. М.: АСТ, 2011.
4	(3/4) Александра Маринина. Личные мотивы. М.: Эксмо, 2011.
5	(-1) Василий Аксенов. Таинственная страсть: В 2 тт. Авторская версия. М.: Эксмо, 2011.
6	(-1) Грег Мортенсон. Три чашки чая. М.: Эксмо, 2011.
7	(7/7) Виктор Пелевин. Ананасная вода для прекрасной дамы. М.: Эксмо, 2011.
8	(9/14) Дина Рубина. Синдром Петрушки. М.: Эксмо, 2011.
9	(-1) Ник Перумов. Имя Зверя: Т.1. М.: Эксмо, 2011.
10	(4/7) Борис Акунин. Смерть на брудершафт. М.: АСТ, 2010.

обложка

место	автор, название, издательство (пред. нед. / всего нед.)
1	(-1) Дарья Донцова. Рваные валенки мадам Помпадур. М.: Эксмо, 2011.
2	(3/11) Элизабет Гилберт. Есть, молиться, любить. М.: РИПОЛ классик, 2010.
3	(-1) Сергей Москвин. Метро 2033: Увидеть Солнце. М.: АСТ, 2011.
4	(-1) Анна-Лена Лаурен. У них что-то с головой, у этих русских. М.: Флюид, 2010.
5	(6/10) Элизабет Гилберт. Законный брак. М.: РИПОЛ классик, 2010.
6	(1/3) Сергей Палий. Метро 2033: Безымянка. М.: АСТ, 2011.
7	(2/3) Игорь Пронин. Пираты: Кн. 2: Остров Паука. М.: АСТ, Этногенез, 2011.
8	(9/6) Екатерина Вильмонт. Танцы с Варежкой. М.: Эксмо, 2011.
9	(7/3) Татьяна Устинова. Всегда говори всегда. М.: Эксмо, 2011.
10	(10/11) Борис Акунин. Весь мир театр. М.: Захаров, 2010.

Non-fiction

переплет

место	автор, название, издательство (пред. нед. / всего нед.)
1	(-1) Лев Данилкин. Юрий Гагарин. М.: Молодая гвардия, 2011.
2	(1/16) Павел Басинский. Лев Толстой. Бегство из рая. М.: АСТ, 2010.
3	(2/3) Владимир Познер. Познер и Ургант. Тур де Франс. Путешествие по Франции с Иваном Ургантом. М.: АСТ, 2011.
4	(-1) Михаил Ходорковский. Статьи. Диалоги. Интервью. М.: Эксмо, 2010.
5	(-1) Матвей Ганопольский. Чао, Италия! М.: АСТ, 2010.
6	(-2) Павел Басинский. Горький: Страсти по Максиму. М.: АСТ, 2010.
7	(3/48) Маргарита Королева. Легкий путь к стройности = Похудеть навсегда. М.: АСТ, 2010.
8	(7/10) Сталик Ханкишиев. Казан, баран и дастархан. М.: Астрель, 2010.
9	(5/34) Олег Дорман. Подстрочник. Жизнь Лилианы Лунгиной, рассказанная ею в фильме Олега Дормана. М.: АСТ, 2010.
10	(6/16) Юлия Гиппенрейтер. Родителям: как быть ребенком. М.: АСТ, 2010.

обложка

место	автор, название, издательство (пред. нед. / всего нед.)
1	(-1) Федеральный закон о полиции. М.: Эксмо, 2011.
2	(1/88) Дмитрий Щеглов. Фаина Раневская: «Судьба-шлюха». М.: АСТ, 2008.
3	(3/48) Юлия Гиппенрейтер. Продолжаем общаться с ребенком. Так? М.: АСТ, 2009.
4	(2/17) Адель Фабер, Элейн Мазлиш. Как говорить с детьми, чтобы они учились. М.: АСТ, 2010.
5	(6/29) Джон Грей. Мужчины с Марса, женщины с Венеры. М.: София, 2009.
6	(10/12) Саймон Оукс. Почему мужчины женятся. М.: Эксмо, 2011.
7	(8/139) Аллен Карр. Легкий способ бросить курить. М.: Добрая книга, 2008.
8	(4/4) Наталья Степанова. Заговоры сибирской целительницы: Вып. 29. М.: РИПОЛ классик, 2011.
9	(5/4) Роми Миллер. Магнит для мужчин: Законы привлекательности. М.: Эксмо, 2011.
10	(9/40) Стив Харви. Поступай как женщина, думай как мужчина: Почему мужчины любят, но не женятся, и другие секреты женского пола. М.: Эксмо, 2009.

Рейтинги составлены по результатам продаж в торговых сетях «Амадеос», «Амиталь», «Новый книжный», «Буква», «Лабиринт», «Магистр», «Буквоед», «Книжный клуб «36.6», «Союз», «У Сытина», «Молодая гвардия», в московских магазинах «Библио-Глобус», «Московский Дом книги на Новом Арбате».

«Книжное обозрение» заинтересовано в расширении списка наших партнеров, предоставляющих информацию о сбыте.

ПОДПИСКА – 2011

Уважаемые читатели!

В этом году газете «Книжное обозрение» исполняется 45 лет! «Книжное обозрение» – самая авторитетная в России цветная газета о книгах и книгоиздании. В ней вы найдете самую актуальную информацию о книжных новинках во всех сегментах литературы, тематические рубрики, рейтинги продаж, аналитические материалы и обзорные статьи о ведущих писателях и книжном сообществе. Также существует профессиональное приложение «PRO», которое содержит в себе все новости книжного бизнеса.

«Книжное обозрение» – 45 лет вместе с вами! Спешите подписаться!

Ф. СП-1		Министерство связи									
АБОНЕМЕНТ на газету журнал		Книжное обозрение									
на 2011 год по месяцам:		Количество комплектов:									
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда		(почтовый индекс)		(адрес)							
Кому		(фамилия, инициалы)									

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА		на газету журнал									
Книжное обозрение		Книжное обозрение									
на 2011 год по месяцам:		Количество комплектов:									
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда		(почтовый индекс)		(адрес)							
Кому		(фамилия, инициалы)									

На всей территории России началась подписка на газету «Книжное обозрение» на второе полугодие и продолжается на первое полугодие 2011 года!

(Стоимость с доставкой уточните у оператора почтового отделения)

Подписка осуществляется:

По объединенному каталогу «Пресса России» (зеленый); для подписчиков Москвы – стр. 142.

Индекс 50051 – газета «Книжное обозрение»;

Индекс 83102 – газета «Книжное обозрение»

с PROфессиональным приложением и списком вышедших книг (распространяется ТОЛЬКО по подписке).

По каталогу российской прессы «Почта России»;

Индекс 12823 – газета «Книжное обозрение»;

Индекс 12786 – газета «Книжное обозрение»

с PROфессиональным приложением и списком вышедших книг (распространяется ТОЛЬКО по подписке).

Подписку можно оформить в почтовых отделениях связи

Вниманию читателей!

Приложение «PRO» в розницу не распространяется

Подписка через альтернативные агентства подписки

ООО «Информ-система». Тел. +7 (499) 124-04-79; факс +7 (499) 124-99-38; e-mail: info@informsystema.ru

ООО «Информнаука». Тел. +7 (495) 787-38-73; факс +7 (495) 152-54-81; URL: www.informnauka.com; e-mail: alfimov@viniti.ru

ЗАО «МК-Периодика». Тел. (495) 672-70-12; e-mail: info@periodicals.ru; URL: www.periodicals.ru

ООО «Интер-Почта-2003». Подписка только в России.

Тел. +7 (495) 500-00-60; факс +7 (495) 788-00-60; URL: www.interpochta.ru; e-mail: interpochta@interpochta.ru

ООО «Агентство «Артос-ГАЛ»». Подписка для юридических лиц на территории европейской части России и на Украине.

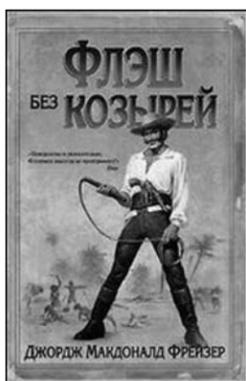
Тел.: (495) 981-03-24, 788-39-88; e-mail: artos-gal@mail.ru.

Подписка в Литве: Magazines.lt pr. Konstitucii 7, Vilnius LT-09308 Litva, tel.: +370 5248 7244, e-magazin: www.magazines.lt

Подписка на Украине: ООО «ПресЦентр», подписка для физических и юридических лиц. Тел. (1038044) 536-11-75;

URL: presentr.kiev.ua; e-mail: market7@prescentr.kiev.ua

①

②

③

④

⑤

⑥

①

В поисках удовольствий

Фрейзер Дж. М.
Флэш без козырей: Роман / Пер. с англ. К.Киричука.
М.: Вече, 2011. – 416 с. – (Записки Флэшмена). 5000 экз. (п)
ISBN 978-5-9533-4958-1

Прославленному герою, капитану Флэшмену, опять не повезло — недруг подкинул ему карты во время игры в благородном обществе, а потом мастерский удар Флэшмена отправил злодея вниз по ступенькам. Итог: вместо удобного парламентского кресла — экстренное отплытие в качестве помощника-суперкарга на громоздком судне. Помимо подробного описания приключений главного героя в Африке (воины-амазонки, украшенные болтающимися черепами), в Америке (секс с креолкой, на которой надеты только сапоги со шпорами), в тексте встречается множество описаний исторических реалий: «Сегодня люди и понятия не имеют о путешествиях на паруснике в сороковых годах (прим. XIX века). Пассажиры на пароходах просто не могут себе представить постоянную какофонию звуков, сопровождающую парусное судно во время плавания, — непрерывное потрескивание, стоны древесины и такелажа напоминают сумасшедший оркестр...»

②

Проблемы с мужчинами

Артемьева Г.
Бладная дочь: Роман.
М.: Эксмо, 2011. – 320 с. 8000 экз. (п) ISBN 978-5-699-481000-2

Однажды счастливый семейный человек Миша получил sms-просьбу положить на счет тысячу

рублей. Его сердобольная жена даже собралась эти деньги на незнакомый номер отправить, но муж не только воспротивился, но решил сделать в своем издании разоблачительный материал — и обратился к другу детства, владельцу солидного сыскного агентства. Сколько раз говорили, что нельзя будить спящую собаку! Ведь был у них договор перед свадьбой — не расспрашивать о прошлом. А что делать, если любимой женщине снятся кошмары? А ведь несколько лет назад, в другой жизни, наивная влюбленная девушка Полина услышала жестокие слова: «Помни: хочешь быть с мужиком счастливой, не ревнуй его ни к прошлому, ни будущему, — наставительное произнес мужчина ее мечты. — Это важнейшее правило молодого бойца». И ребенок в эти правила не вписывался.

③

Богатырь и Змей

Былины: Том 1 / Под ред. М.Сперанского.
М.: Амрита, 2011. – 568 с.: ил. 3000 экз.(п) ISBN 978-5-413-00275-9

Это изысканное репринтное издание вышедшего около столетия назад в серии «Памятники мировой литературы» уникального сборника, сохранившее дореволюционную стилистику текстов и старинные иллюстрации. Помимо былины, в том включены вводные статьи и примечания члена-корреспондента Петербургской академии наук М.Е. Сперанского, арестованного в 1934 г. по так называемому «делу славянистов». В текстах былины — целый ряд исторических сведений, которые находят подтверждение в трудах современных ученых и при исследовании археологических находок. Древнерусский эпос сохранил следы древних языческих верований и представлений, описав славянских богов и подвиги легендарных богатырей. В приложениях дается разбор былинной речи; словарь старинных и местных слов; указатель имен собственных и географических названий.

④

Долой иго!

Язвицкий В.
Иван III — государь всея Руси.
М.: Альфа-книга, 2010. – 1278 с.: ил. — (Полное издание в одном томе). 5000 экз. (п) ISBN 978-5-9922-0662-3

«Нет татар под стенами, нигде они не приступают. Только искры с пожарниц подхватывает ветер и через стены бросает их в Кремль. Вдруг среди тишины торжественно зазвонили колокола во всех храмах, и видят воины: поднимаются к ним на стены хоругви церковные, появляется духовенство, сверкая ризами на солнце, в полном облачении, с крестами, иконами, с кадильцами и святой водой». Иван III, отказавшийся платить дань татарам, не смог сразу изгнать землю Русскую от этой напасти. Злодеи сумели разорить многие города, но до Москвы не дошли. Именно при этом правителе, присоединившем к Москве близлежащие (и не только) русские земли, Первопрестольная стала государственным и духовным центром Руси и была провозглашена Третьим Римом. При Иване III был принят свод законов (Судебник) и проведены многие реформы. Автор подробно описывает жизнь самого Ивана, бояр, ратников и простого люда.

⑤

Сила традиций

Гарднер Дж.
Ведовство сегодня: Гарднерианская Книга Теней / Пер. с англ. А.Осипова.
М.: Ганга, 2010. – 288 с. 1500 экз. (п) ISBN 978-5-98882-110-6

Впервые на русском языке. Классический труд одного из идеологов современного язычества повествует о религиозных традициях в английских общинах-ковенах и об истории возникновения ритуалов. В древности существовал культ Великой Матери, и его жрицы занима-

лись не только магическими ритуалами, но и врачеванием, и воспитанием подрастающего поколения. Когда-то Мудрые Женщины были жрицами и правили миром — без войн, но по справедливости. Образ женщины как Советчицы, образ доброй и оберегающей Женской Магии сохранился в сказках многих народов. В Средние века и эпоху Возрождения было сожжено на кострах множество ни в чем не повинных женщин. В Западной Европе и в Америке термин «ведьма» (параллельно с его «более мягким» синонимом — викка) получил распространение с середины XX века, в чем есть заслуга и Гарднера, являвшегося директором Музея магии ведовства.

⑥

Против ляхов и османов

Прозоров А.
Князь: Последняя битва.
СПб.: Ленинградское издательство, 2011. – 352 с. 22 050 экз. (п) ISBN 978-5-9942-0762-8

На Русь идут полчища врагов. Помимо вооруженных до зубов наемников во вражеских обоях едут зловещие магрибские колдуньи, замыслившие черное злодейство. Хотя и стоят во главе отечественного воинства воеводы опытные, нет в них согласия и веры царю — Ивану Грозному. Лишь хитроумный и отважный князь Андрей Сакульский, которому ведомо будущее, наперекор судьбе строит планы спасения родных земель от войск короля Батория. Ради этого все средства хороши: «К острову лодка подошла поздно вечером со стороны открытой Ладоги. Князь Сакульский не хотел, чтобы его заметили послушники, и ради этого не поленился сделать крик в несколько верст... Четкий черный отпечаток креста на светлом небе подсказывал гостям путь: где-то за ним, под Змеиной горой, находилось древнее святилище, к которому и стремился ученик древнего волхва».

Автор рецензий — Алекс Громов

Одд Локи

Субмарины и крейсера

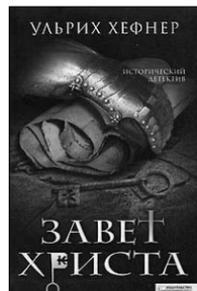

Гибсон Р., Прендергаст М.
Германская подводная война. 1914-1918 гг. / Пер. с англ.
М.: Вече, 2011. – 384 с.: ил. — (Морская летопись). 4000 экз. (п) ISBN 978-5-9533-4170-7

Вечером 2 августа 1914 г. командиры германских подводных лодок получили приказ: «Немедленно приступить к боевым действиям против Великобритании». Через 4 дня 10 лодок вышли в боевое крестовое. 9 августа Британская 1-я эскадра легких крейсеров вошла в соприкосновение с увертливым врагом. Находившийся в дозоре «Бермингем» обнаружил U-15, лежащую в дрейфе, и открыл беглый огонь. Лодка начала медленно двигаться, но форштевень легкого крейсера ударил ее в середину корпуса, разрезав пополам. Через три дня на базу вернулись только 7 немецких подлодок... Позже у германского руководства возникла идея «подводной» войны против английской торговли — и 4 февраля 1915 года было опубликовано сообщение, что воды вокруг Великобритании и Ирландии объявлены находящимися в военной зоне. В издании подробно описываются борьба в Средиземном море и события в Атлантике.

Арти Д. Александер

Роковая находка

Хефнер У.
Завет Христа / Пер. с нем. А.Ивахненко.
Харьков: Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2010. – 544 с.: ил. 20 000 экз. ISBN 978-5-9910-1165-5

Возникновение христианства как мировой религии, поиск артефактов, связанных с земной жизнью Иисуса Христа, и борьба за них — одна из самых популярных тем историко-конспирологических романов. В этом романтично-авантюрном тексте рассказывается, как однажды во время раскопок вблизи Львиных ворот Иерусалима были найдены римское оружие и инструменты, примерно датированные временем рождения Христа. Дальше — больше: нашли тайную гробницу доблестного крестоносца, а в ней — древнеримскую тарелку с изображением мистерии об Иисусе. Далее — скандальная публикация в газете, тайные приказы могущественного кардинала из руководства Ватикана, насильственная смерть священника из ордена бенедиктинцев, являвшегося к тому же экспертом в области древних языков. В дело вмешались полиция и таинственные неизвестные...

фантастика

клуб

НОВОСТИ

Десять
за десять

Более десяти тысяч пользователей специализированного портала tor.com выбрали десятку лучших научно-фантастических книг, опубликованных в 2000–2010 годах.

В течение недели читатели назвали более 1600 произведений в жанре научной фантастики. Самыми популярными из них оказались «Обреченные на победу» Джона Скальци и «Американские боги» Нила Геймана.

Топ-10 лучших научно-фантастических книг десятилетия по версии портала tor.com:

1. «Обреченные на победу» («Old Man's War») — Джон Скальци;
2. «Американские боги» («American Gods») — Нил Гейман;
3. «Имя ветра» («The Name of the Wind») — Патрик Ротфусс;
4. «Ложная слепота» («Blindsight») — Питер Уоттс;
5. «Стрела Кушиэля» («Kushiel's Dart») — Жаклин Кэри;
6. «Буря мечей» («A Storm of Swords») — Джордж Р.Р. Мартин;
7. «Джонатан Стрендж и мистер Норрелл» («Jonathan Strange & Mr. Norrell») — Сюзанна Кларк;
8. «Анафем» («Anathem») — Нил Стивенсон;
9. «Пепел и сталь» («Mistborn: The Final Empire») — Брендон Сандерсон;
10. «Вокзал потерянных снов» («Perdido Street Station») — Чайна Мьевиль.

Тандем
на вершине

Одна из главных премий в области научной фантастики, «Хьюго» (The Hugo), в этом году досталась сразу двум писателям. Лучшими романами признаны «Город и город» («The City and the City») Чайны Мьевиль и «Заводная девушка» («The Windup Girl») Паоло Бачигалупи. Оба произведения набрали одинаковое количество голосов членов Всемирного общества научной фантастики (World Science Fiction Society, WSFS). За 57-летнюю историю «Хьюго» такое происходит лишь третий раз.

Подготовил
Даниил Мартин

Фантасты не боятся назначать свои встречи — с раздачей наград и литературными конкурсами — на 1 апреля. У них ведь и без того грань между выдумкой и реальностью весьма размыта... Вот и в этом году (уже не в первый раз) именно в первые дни апреля проходил в Подмоскovie самый представительный конвент России и СНГ — конференция писателей, издателей и любителей фантастики «РосКон».

Почему самый представительный? Ну, например, потому, что ни один конвент Европы не может похвастаться таким количеством гостей, отмеченных главной наградой «ЕвроКона» (в свою очередь самого представительного конвента нашей части света). В разные годы и в разных странах статус «Лучший фантаст Европы» получали россияне Сергей Лукьяненко и Александр Громов, украинцы Марина и Сергей Дяченко и Генри Лайон Олди (Дмитрий Громов и Олег Ладыженский), а также наш итальянский гость Роберто Квалья. Все они были на «РосКоне-2011», и все — не в первый раз. Роберто Квалья накануне конвента, выступая в передаче Андрея Щербак-Жукова «Дом Фантастики», сказал, что любит приезжать в Россию, потому что в Италии фантастика не так популярна. Там, по его словам, вообще почти ничего не читают, кроме календарей футбольных чемпионатов, а здесь он встречает «целые племена» любителей научной фантастики. Жаль, не приехал Ник Перумов, хотя его ждали, — тогда бы был еще один лауреат «ЕвроКона».

Всего собралось больше 300 человек. Кроме писателей и редакторов было четыре музыкальных группы и два режиссера-мультипликатора: Геннадий Тищенко («Вампиры Геоны», «Хозяева Геоны», «Миссия пришельцев», «Из дневников Йиона Тихого» и др.) и Владимир Тарасов («Контакт», «Контракт», «Перевал», «Пуговица» и др.). Кстати, последний был удостоен главной «авторитарной» премии конвента: Владимиру Тарасову оргкомитет вру-

Андрей Щербак-Жуков, Сергей Лукьяненко, Олег Дивов, Александр Ройфе

чил «Большой РОСКОН» — за вклад в развитие российской фантастики.

Засед состоялся 31 марта. Открытие было, как всегда, коротким и, как всегда, несколько задержалось — было перекрыто Рублево-Успенское шоссе, потому машина с музыкантами прибыла на два часа позже... Зато сразу после краткого приветствия оргкомитета заиграли Евгений Кострыгин и группа «Иммигранты». Этот коллектив можно назвать супергруппой Юга России: два ее музыканта известны в Краснодаре, басист — из новороссийской группы «Небесная канцелярия», а ударник — из знаменитых ростовских «Запрещенных барабанщиков». Еще на конвенте выступила панк-группа «Палево», задорный молодой коллектив «Нудык-Че?», исполняющий песни как своего вокалиста Алексея Панасовского, так и культового Вени Дркина. А кульминацией стал концерт поэта и музыканта Вадима Степанцова и его нового коллектива «Sex itals». Они уже второй раз на «РосКоне», а творчество Степанцова в фэндоме известно еще раньше — песня «Бухгалтер Иванов» считается негласным гимном любителей фантастики. Эту историю об инопланетянине, потерпевшем крушение на Земле и оставшемся работать

в советском колхозе, знают много лет в версии, исполняемой писателем Владимиром Васильевым. А в этот раз к «росконовскому» концерту Вадим и Владимир придумали песню-продолжение: «Бухгалтер Иванов прожил до наших дней...».

Прошло два мастер-класса — Сергея Лукьяненко и Василия Головачева. Был и экспериментальный конкурс: «Рассказ за час». Ровно 60 минут было у молодых писателей, чтобы создать маленький шедевр, который потом оценил бы Андрей Белянин. Любопытно, что и он, и Лукьяненко, не сговариваясь, отметили произведения одного автора — Дарьи Зарубиной. Победителем мастер-класса Василия Головачева стала Татьяна Томах. «РОСКОН-Грелку» (интернет-конкурс) на этот раз «порвал» Эльдар Сафин с рассказом «Свинобабка».

Приз «Фантаст года», учрежденный оргкомитетом «РосКона» совместно с издательством «Эксмо» впервые (по статуту его можно вручать одному автору дважды) получил Роман Злотников («Царь Федор», «Руигат», «Виват император!» и др.). Премии Федерации независимых профсоюзов России «Час быка» (лучшая социальная фантастика) заочно вручили Вячеславу Рыбакову за роман «Се, творю».

А вот приз «Алиса» — за лучшее фантастическое произведение для детей и подростка — в этот раз не вручали вообще. Оргкомитет согласился с мнением вдовы Кира Булычева (совместно с которым некогда был учрежден приз) — Кирой Сошинской, что достойных книг в прошлом году издано не было, и вообще, российская детская фантастика находится в плачевном состоянии.

А вот как выглядят результаты «голосователей» призов.

В номинации «Романы»: «Золотой РОСКОН» — Олег Дивов, «Симбионты» (Кстати, он еще получил и Мемориальную премию имени Булычева за продолжение гуманистических традиций в фантастике.); «Серебряный РОСКОН» — Сергей Лукьяненко, «Непоседа»; «Бронзовый РОСКОН» — Мариам Петросян, «Дом, в котором...».

В номинации «Повесть, рассказ»: «Золотой РОСКОН» — Дмитрий Колодан, «Время Бармаглота»; «Серебряный РОСКОН» — Евгений Лукин, «Секондхендж»; «Бронзовый РОСКОН» — Сергей Лукьяненко, «Человек, который разговаривал с ангелами».

В номинации «Критика, литературоведение, история фантастики»: «Золотой РОСКОН» — Г.Л. Олди, «Достоверность, как ее нет»;

«Серебряный РОСКОН» — Андрей Щербак-Жуков, «Древний миф и современная фантастика, или Использование мифологических структур в драматургии жанрового кино»; «Бронзовый РОСКОН» — Дмитрий Лукин, «Фантастика vs боллитра: мир неизбежен».

В номинации «Межавторский проект» единственную награду получил Шимун Врочек за роман «Питер» из серии «Метро 2033». Лучшим составителем сборника большинство собравшихся назвали Эрика Брегиса за «Цветную ночь». А «Интернет-РОСКОН» (лучший ресурс в Сети, посвященный русскоязычной фантастике) получил сайт журнала «Мир фантастики». По условиям этой премии вручается два приза: один собственно победителю, а другой — тому, на кого укажет победитель. Так нынешний редактор журнала Светлана Карачарова вручила награду бывшему главному редактору — Николаю Пегасову, таким образом отдавая должное его вкладу в развитие «Мира фантастики».

А завершилось все традиционным банкетом с общением и танцами... Все от души веселились. Ведь, по мнению оргкомитета, «РосКон» — это конвент, который делают люди для людей.

Дуэт Г.Л.Олди — Дмитрий Громов и Олег Ладыженский.

Олег Овчинников, Владимир Васильев (на заднем плане — Марина Дяченко)

Немного триллер

Весела и задорна жизнь частного детектива. Сегодня кража со взломом в твоём исполнении — а ты всего лишь пытаешься собрать недостающие улики. Завтра — жестокое убийство, дело рук твоего подозреваемого, — и ты чудом не оказался на месте жертвы. Послезавтра на подходе к дому на тебя нападет твой бывший клиент. Короче, можете сколько угодно завидовать и восхищаться, но не пытайтесь сделать это сами, если вы не герой ирландской писательницы Арлин Хант. Вам все эти выкрутасы могут стоить здоровья, а то и жизни. А никогда не унывающим ирландцам — максимум пары седых волос и одной покореженной машины.

Пропавшая в 1980 году девочка возвращается из небытия через двадцать шесть лет и сразу попадает

Хант А.
Пропавшая без вести / Пер. с англ. Т.Камышиковой.
М.: Азбука, 2011. — 352 с. 8000 экз. (п)
ISBN 978-5-389-01269-1

на первые полосы газет. Но, к сожалению, не с благой историей своих мытарств и описанием долгой дороги домой, а как преступница, убившая человека и пытавшаяся застрелиться. Пуля срикошетила — и девушка

впала в кому, оставив тысячу вопросов. Где она была все эти годы? Почему вернулась? С чего вдруг решилась на убийство? Что будет с нею, если она все-таки придет в сознание? Семья девушки, конечно, обрадовалась ее возвращению, но, не зная, как самостоятельно со всеми этими вопросами разобраться, наняла частных детективов. Так и начались очередные приключения Сары Кенни и Джона Квигли — основателей, хозяев и единственных сотрудников агентства «КвиК». Чтобы найти ответы для своих заказчиков, им придется взять в полон два города: родной и опасный Дублин, а также недружелюбный и несурзанный Лондон, разобраться с несколькими преступными группировками, ну и, конечно, раскрыть заговор двадцатилетней давности. В принципе

ничего сверхнового. Добротный образчик традиционного жанра. Блюдо из ежедневного рациона всех любителей полакомиться детективами — свежее, хорошего качества. С одним приятным и оригинальным «но».

Если бы его не было, честное слово, можно было бы перечеркивать все хвалебные отзывы на обложке, повесить ярлык «хорошо» и отправить к сотням других — хороших, но таких обыкновенных детективов. Счастье Арлин Хант и ее читателей в том, что в романе есть еще одна сюжетная линия — отдельно выписанная история жизни детектива Сары Келли. Она, конечно, тоже наполнена интригами и криминалом. Между главами, посвященными пропавшей девушке, вклиниваются безумные монологи мужчины, который следит за Сарой и меч-

Анастасия Першкина

НОВОСТИ

Кто самый богатый?

Британский телеканал Alibi, транслирующий детективы и криминальные фильмы, представил рейтинг «самых богатых» авторов детективов в стране. Телеканал подчитал деньги, заработанные авторами с начала их писательской карьеры по настоящее время. Популярнее всех оказались писатели, которых уже нет в живых. Рейтинг основан на данных о продажах книг, кассовой выручке и лицензионных сборах.

Самым успешным британским писателем стал Ян Флеминг (на фото) — автор при-

Новый Крестный

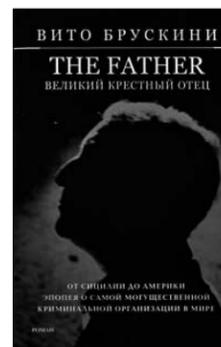
В начале 1970-х годов Френсис Форд Coppola снял самый знаменитый фильм о преступной империи — «Крестный отец», в основе которого — одноименный роман американца итальянского происхождения Марио Пьюзо. Все остальное на эту тему делалось по образу и подобию. Не стал исключением и роман Вито Брускини «The Father. Великий Крестный отец».

Книга разделена на две части: сицилийскую и американскую. Первая наиболее интересна, так как рассказывает не только про социальную и политическую обстановку Италии 1920—30-х годов, но и объ-

ясняет причины массовой эмиграции в США. Вот сицилийский граф Фердинандо Ликата — неофициальный хозяин городка Салеми, строгий, но справедливый патрi своих батраков и настоящий человек чести (кстати, «людьми чести» в Италии называют мафиози). Однако с приходом к власти дуче наступают тяжелые времена. Фашистская полиция, «чернорубашечники», не чтут традиций отцов, не уважают ни молодых, ни стариков. Из-за конфликта с ними графу приходится эмигрировать в США, где он, быстро сориентировавшись, создает свою семью и становится

одним из доноров Нью-Йорка. А формально ведь — политэмигрант.

Вторая часть интересна не столько описанием «рабочих будней» мафии (все это было у того же Пьюзо), сколько упоминанием исторических персонажей и «Коза ностры». Брускини рассказывает об устройстве этой организации, а заодно и биографию ее главы Лаки Лучиано — гангстера настолько могущественного, что прокурор Томас Дьюи пошел на подкуп свидетеля, лишь бы оградить законопослушных граждан от этого отъявленного преступника. Но в 1942 году правительство США реши-

Брускини В.
The Father. Великий Крестный отец / Пер. с итал. В.Николаева.
М.: РИПОЛ классик, 2011. — 576 с. 7000 экз. (п)
ISBN 978-5-386-02901-2

ло заключить сделку с «Коза нострой» и выпустить ее

лидера на свободу в обмен на помощь по выявлению немецких шпионов. Вито Брускини пишет, что здесь не обошлось без происков коварного графа Ликата. Так это или нет — неизвестно, однако заявлено, что книга основана на «неизвестных ранее фактах из засекреченных документов».

Некоторых читателей могут смутить то тут, то там всплывающие описания мафиозных, практически ритуальных расправ над людьми. Что ж, попадая под очарование криминальной эстетики, не стоит забывать о том, какой это мрачный, жестокий, а подчас и отвратительный мир.

Николай Денисов

ключений Джеймса Бонда. Его доход составил 100 млн. Однако несмотря на то, что количество проданных романов об агенте 007 по всему миру превышает 100 млн. экземпляров, более прибыльными стали их экранзации — они собрали 3 млрд. Второй в списке оказалась Агата Кристи: она заработала уже примерно 100 млн., в том числе за счет продажи билетов на пьесу «Мышеловка», которая идет в Лондоне с 1952 года. замыкает тройку лидеров Джеффри Арчер, он же самый богатый из ныне живущих авторов детективов в Великобритании. Его доход оценивается в 70 млн., и это учитывая не только роялти и продажи, но и коллекцию произведений искусства и недвижимость.

В рейтинг также вошли: Джек Хиггинс — автор книг «Судный день» и «Холодная гавань» (£50 млн.), Кен Фоллетт, известность которому принес роман «Игольное шоу» (£50 млн.), и Дик Фрэнсис — жокей Ее Королевского Величества (менее £50 млн.).

Вместе с британским рейтингом Alibi опубликовала и список самых высокооплачиваемых американских детективных авторов. Лидирует Джон Гришэм с состоянием в \$600 млн. (£366 млн.), известность которому принес роман «Фирма», вышедший в 1991 году. На втором месте — Дэн Браун: он заработал \$400 млн. (£244 млн.). Подготовил Даниил Мартин

Игра в туфельки

От романа «Мертвый, как ты» по ассоциации с названием почти одноименного сериала («Мертвые, как я») ожидаешь сношений с потусторонним миром. Тем более что заслуженно почитаемый любителями триллера Питер Джеймс — писатель с фантазией. В «Одержимом» он исследует эдипов комплекс, в романе «За сумеречным порогом» обнаруживается врачебная ошибка с захоронением живых, но ввалившихся в летаргию, в «Пророчестве» уже появляется сверхъестественное, а «Алхимик» — семисотстраничное руководство по черной магии с эле-

Джеймс П.
Мертвый, как ты / Пер. с англ. А.Коровяковой.
М.: Центрполиграф, 2010. — 495 с.
15 000 экз. (п) ISBN 978-5-227-02451-0

ментами остросюжетного романа. Однако вышедшего в 2009 году «Мертвого...» причислить к шедеврам Питера Джеймса, увы, никак не получается.

Немолодой опытный суперинтендант (старший офицер в британской полиции) уже десять лет гонят на неуловимым Туфельщиком, которого хлебом не корми, а дай хлопнуть с самыми грязными намерениями женщину в дорогих туфлях, и чтоб непременно с ремешком на лодыжке (особенно его возбуждает дизайн Джими Чу). Перед читателем

проходит череда преступников. Безумие одних — вполне респектабельное, как у пожилого рецидивиста, в пятнадцать лет шелкавшего дверные и сейфовые замки как семечки, потому что ему нравилось побродить по чужому богатому дому, порыться в шкафах — особенно на полках с туфельками, надеть этот дом, вздыхающий системой отопления, на себя, словно новую уютную кожу. Еще одного — он считает, что его зовут Ра — в нежном возрасте туфлей на каблуке лупила мамаша. «Врач написал в твоей дурацкой исто-

рии болезни буквы «Р. А.» — «ребенок-аутист»? Вот что ты такое. Ты бесполезный проклятый ребенок-аутист! А зовут тебя Джонни Керридж. Усек?» У Джонни невинная страсть: он коллекционирует цепочки с ручьями — сливы туалетов с верхними бачками. Третий возит женщин (в дорогих туфлях, которые ему тоже безотчетно нравятся) в своем микроавтобусе, тепло и задушевно с ними беседует, призывая понять, что никак не может отпустить жертву, ибо она тотчас побежит в полицию, тут ему и конец.

Сергей Шулаков

фрагмент

«Просто Дети»

Выпадали дни, серые дождливые дни, когда Бруклин так и просился на фотографию: каждое окно — объектив репортерской «Лейки», пейзаж в раме — неподвижный и зернистый. Мы хватили бумагу и цветные карандаши и принимались рисовать в каком-то трансе, точно полоумные дети, допоздна, пока, выдохшись, не падали на постель. Лежали обнявшись, тогда еще неловкие, но счастливые, восторженно расцеловывали друг друга по очереди и, наконец, погружались в сон.

Юноша, с которым я повстречалась, был застенчив и не мастак говорить. Ему нравилось быть ведомым — чтобы его взяли за руку и завлекли в другой мир, которому он отдавался всей душой. Он был настоящий мужчина, защитник, что не мешало ему быть женственным и покорным. Одежда и поведение — сама чистоплотность, но в творчестве он был способен на ужасающий хаос. А в его личной вселенной царили одиночество и риск — и предвкушение свободы, экстаза, раскрепощения.

Иногда проснувшись ночью и вижу: он работает в тусклом освещении церковных свечей. Наносит на рисунок новые штрихи, поворачивает лист то так, то сяк — рассматривает во всех возможных ракурсах. Задумчивый, озабоченный, он поднимал глаза, перехватывал мой взгляд... И улыбался мне. Эта улыбка прорывалась у него сквозь все другие чувства и заботы. Даже когда миновало много лет и он был при смерти, испытывал адские боли.

Когда магия и религия воюют между собой, магия все же рано или поздно побеждает, правда ведь? Возможно, когда-то между жрецом и священником не было разницы, но священник стал учиться смирять себя перед Господом и выбрал молитву, а заклинания отбросил. Но Роберт верил в магию, в закон симпатической магии: верил, что способен по своему выбору вселиться в какой-то предмет или произведение искусства и тем самым повлиять на окружающий мир. Он не считал, что творчеством искупает свои грехи. Да и не стремился к искуплению. А стремился увидеть то, чего не видят другие: проекцию своей фантазии в материальном мире.

Техники, которые он использовал, казались ему слишком монотонными и утомительными: у него в голове слишком быстро возникало готовое произведение, такое, каким ему надлежало быть. Роберту импонировала скульптура, но он считал, что ее времена прошли. И все же часами всматривался в «Рабов» Микеланджело — хотел без утомительной возни с молотком и зубилом почувствовать, каково ваять человеческие фигуры.

Он сделал наброски к мультфильму о том, как мы попадаем в Райский Сад Тантристов. Ему понадобились наши фото в обнаженном виде: он замыслил вырезать фигуры и поместить в геометрическом саду, который расцвел в его сознании. Роберт попросил своего однокурсника Ллойда Зиффа нас сфотографировать, но мне эта идея не понравилась. Не очень-то хотелось позировать: я все еще немного стеснялась шрамов на животе.

На фотографиях мы выглядели зажатыми — совсем не такими, как в воображении Роберта. У меня был старый фотоаппарат, снимавший на 35-миллиметровую пленку, и я посоветовала Роберту сделать снимки самому. Но заниматься проявкой и печатью он не мог — был слишком нетерпелив. В своих коллажах Роберт использовал столько чужих фотографий, что мне подумалось: если бы он сам снимал, то воплотил бы свои замыслы в идеальной форме.

— Вот если бы сразу спроецировать идею на фотобумагу, — возразил он. — А так, когда работа сделана лишь наполовину, я уже увлекаюсь чем-то другим.

Сад был заброшен.

Ранние работы Роберта явно были навеяны его ощущениями под кислотой. В этих рисунках и мини-инсталляциях присутствовали старомодный шарм сюрреализма и строгая геометрия тантрического искусства. Постепенно в творчество Роберта просочи-

Этой весной в издательстве «Согрус» выходят воспоминания Патти Смит — рок-певицы, поэта, подруги и любимой модели знаменитого фотографа Роберта Мэпплторпа. «Просто дети» — история Нью-Йорка 1960-х и распутившейся в нем любви двух взрослых детей, зачарованных искусством.

лась католическая символика: агнец, Иисус Христос, Пресвятая Дева.

Роберт снял со стен индийские ткани и покрасил наши старые простыни в черный и лиловый. Прикрепил их к стенам кнопками, развесил распятия и гравюры религиозного содержания. Изображения святых, вставленные в рамы, мы без труда находили на помойках или в благотворительных магазинах Армии спасения. Роберт вынимал литографии из рам и раскрашивал, а иногда включал в крупноформатные рисунки, коллажи или инсталляции.

Но Роберту хотелось сбросить с себя иго католицизма, и он углубился в мир по ту сторону святости, царство Ангела-Светоносца. Образ падшего ангела Люцифера затмил святых, которых Роберт включал в свои коллажи и коробки. На одну маленькую деревянную шкатулку он наклеил лик Христа; внутри шкатулки находилась Мадонна с Младенцем и крохотной белой розой; а на внутренней стороне крышки я с удивлением увидела голову Сатаны, который показывал мне язык.

Вернувшись домой, я заставала Роберта в бурой монашеской рясе — рясе иезуита, найденной в секонд-хенде — за изучением книг по алхимии и магии. Он просил меня приносить ему оккультную литературу. Первое время он не столько читал эти книги, сколько заимствовал из них пентаграммы и символику сатанизма: разрезал картинки на части и складывал по-своему. В Роберте не было тьмы, но когда в его творчество проникли элементы мрака, он стал еще молчаливее. Увлелся идеей картин-заклинаний — верил, что ими можно вызвать Сатану совсем как духов. Вообразил: если он составит договор, который достигнется до проблеска света в Сатане, до его первозданной чистоты, тот признает в нем родственную душу и дарует славу и богатство. Просить, чтобы Сатана сделал его гениальным художником, Роберт не собирался — считал, что и так достаточно талантлив.

— Ты хочешь словчить, сократить дорогу, — сказала я.

— А почему это я должен идти в обход? — парировал он.

В обеденный перерыв в «Скрибнерз» я иногда заходила в собор Святого Патрика — навесить образ юного Святого Станислава. Я молилась за мертвых, которых любила, наверно, так же горячо, как живых: за Рембо, за Сера, за Камиллу Клодель, за возлюбленную Жюля Лафорта.

А еще я молилась за нас с Робертом.

Роберт молился, точно желания загадывал. Жаждал тайных знаний. Мы оба молились

за душу Роберта: он — за ее удачную продажу, а я — за ее спасение.

Позднее он говорил, что церковь привела его к Богу, а ЛСД — к Вселенной. А еще — что искусство привело его к дьяволу, а секс заставил при дьяволе остаться.

Некоторые знамения и предвестья были настолько жуткими, что я боялась над ними задумываться. Как-то ночью на Холл-стрит я замешкалась в дверях комнаты, где спал Роберт, и явственно увидела его растянутым на дыбе: его белая рубашка расплзлась в ключья, и сам он прямо у меня на глазах рассыпался в прах. Тут он проснулся, почувствовал мой ужас. Вскрикнул:

— Что ты видишь?

— Ничего, — ответила я и отвернулась, прогоняя видение из памяти. Но настал день, когда мне довелось держать его прах на ладони.

Мы с Робертом практически не ссорились, но препирались, как малые дети, — обычно из-за того, как лучше распорядиться нашим скромным доходом. Я получала шестьдесят пять долларов в неделю, Роберт иногда где-нибудь подрабатывал. Квартира обходилась нам в восемьдесят долларов в месяц, не считая платы за воду и электричество. Каждый цент был на счету. Жетон на метро стоил двадцать центов, я совершала десять поездок в неделю. Роберт курил сигареты: тридцать пять центов пачка. Главным поводом для раздоров была моя слабость звонить по таксофону. Моя глубокая привязанность к сестрам и брату оставалась для Роберта чем-то непостижимым. Горсть монет, опущенных в таксофон, могла означать, что мы остаемся без ужина. Мама иногда вкладывала в свои письма долларовую купюру. Казалось бы, мелкий подарок. Но я знала, что этот доллар накоплен из грошовых чаевых официантки, и отдавала должное ее щедрости.

Мы любили гулять по Бауэри — разглядывали драные шелковые платья, заношенные кашемировые пальто, потертые косухи. На Орчард-стрит выискивали недорогие, но занятные материалы для новых произведений: листы лавсановой пленки, волчьи шкуры, скобяные товары неясного назначения. Часами слонялись по магазину «Краски Перл» на Канал-стрит, а потом ехали на метро на Кони-Айленд — пошататься по набережным и съезть в закускойной «Нэйтэнз» один хот-дог на двоих.

Роберта ужасали мои манеры за столом. Я-то замечала: чувствовала, как он мысленно ежится — отводит взгляд, наклоняет голову. Когда я ела руками, ему казалось, что я чересчур привлекаю к себе внимание. И не задумывался, в каком виде сам явился в ресторан — что сидит за столиком в вышитом овчинном жилете на голое тело, с несколькими нитками бус на шее. Обычно наши взаимные придирки кончались смехом, особенно когда я указывала на эти вопиющие неувязки. Эти застольные перебранки продолжались все годы нашей дружбы. Я так и не научилась изящным манерам, и Роберт не перестал одеваться эпатажно, просто менял один эксцентричный стиль на другой.

В те времена Бруклин был настоящей окраиной. «Город», где бурлила жизнь, казался из Бруклина очень далеким. Роберт обожал посещать Манхэттен. Пересекая Ист-ривер, он чувствовал себя так, словно восстает из мертвых, и именно на Манхэттене позднее претерпел стремительные метаморфозы как человек и художник. Я, наоборот, жила в своем собственном мире, грезилась о былых, исчезнувших с лица земли временах. В детстве я потратила много часов на копирование изящных букв, из которых складывались слова Декларации независимости. Чистописание всегда меня пленяло. Теперь я смогла поставить это устаревшее искусство на службу моим собственным рисункам. Я увлеклась исламской каллиграфией и иногда, когда садилась рисовать, разворачивала салфетку, доставала персидское ожерелье и клала перед собой.

В «Скрибнерз» меня повесили по службе — перевели с телефона в отдел продаж. В тот год бестселлерами стали две диаметрально противоположные книги — «Игра на деньги» Адама Смита и «Электропрохладительный кислотный тест» Тома Вулфа. Симптоматично: тогда наша страна во всем, что ни возьми, раскололась на два непримиримых лагеря. Но ни в книге Смита, ни в книге Вулфа я себя не узнавала. Мне было абсолютно чуждо все за пределами мира, который мы с Робертом создали вдвоем.

В минуты уныния я задавалась вопросом, зачем вообще творить. Для кого мы создаем свои произведения? Бога вдохновляем, что ли? Или просто говорим сами с собой? А в чем конечная цель? Чтобы твои работы заперли в клетке, в каком-нибудь помпезном зоопарке от искусства — в МоМА, Метрополитене, в Лувре?

Я стремилась быть искренней, но ловила себя на фальши. Зачем отдаваться искусству? Просто ради искусства? Или ради самореализации? Казалось, пустое баловство — затавривать рынок произведениями, в которых нет никаких откровений свыше.

Часто бывало: сажусь за работу, пытаюсь что-нибудь нарисовать или сочинить, но вспомню про безумный вихрь жизни на улице, про то, что во Вьетнаме война, — и чувствую: все мои начинания — чепуха. Но я не могла отождествить себя ни с одним политическим движением. Пыталась к какому-нибудь присоединиться, но наткнулась на знакомую обескураживающую бюрократию, только в новых формах. «Есть ли хоть какой-то прок от моего творчества?» — гадала я.

Роберт не терпел моих приступов самокопания. Он, казалось, никогда не сомневался в своих творческих порывах, и на его примере я осознала, что главное — работа: поток слов, направляемый Богом, становится стихотворением, каракули черных и цветных карандашных штрихов на бумажном листе возвеличивают пути Господни. Добиться полной гармонии между твоей верой в замысел и умением его воплотить. Вот состояние души, из которого рождается светлый животворный луч.

Пикассо не замкнулся в своем мирке, когда бомбили его любимую Страну Басков. Откликнулся, написал шедевр — «Гернику», напоминание о том, как несправедливо обошлись с его народом. Иногда я наскрывала денег, шла в МоМА и часами просиживала перед «Герникой» — долгими часами рассматривала убитую лошадь и глаз лампочки, озирающий горькие следы войны. А потом я возвращалась к своей работе.

Перевод с английского Светланы Силаковой

В этой маленькой корзинке

Вера Бройде

В детстве у нас в ходу была такая считалочка — вы, может быть, ее тоже знаете: «Доры-доры-помидоры. Мы в саду поймали вора...» Только мы не знали тогда, не предполагали даже, что она ведь фактически описывает фильм «Не отпускай меня», снятый по одноименному роману Кадзуо Исигуро, написанному пять лет назад. А там, в считалочке, были, между прочим, такие строчки: «В этой маленькой корзинке все, что нужно для души, — ленты, кружева, ботинки...» И, знаете, в этом фильме — как в истории, рассказанной в считалочке, — столько же тем, сколько сокровищ в корзинке вора. Если бы они были леденцами, их можно было положить на язык, перекачивать во рту, раскусывать, проглатывать — в зависимости от того, в каком именно виде их вытащил из книги режиссер. Потому что, конечно, они, все до единой, без Исигуро были бы невозможны. Но и увиденные, прочувствованные в кино вопросы, скорее всего, оставят после себя это ощущение — двойственный привкус воспоминания и узнавания. Привкус какого-то ожившего желания опять поверить в то, что однажды придумал писатель, когда в начале 2000-х рассказал о том, что случилось в «будущем» — в конце 1990-х.

О да, конечно, это фантастика, сколь научная, столь и художественная, это иллюзия, призванная поддерживать людей, чтобы они, наивные, верили, что нужны еще для чего-то, кроме чисто практического использования, типа донорства органов. Однажды школьная опекуница сообщила детям — Кэти, Томми, Рут и остальным воспитанникам Хейлшемса — что никто из них не поедет в Америку и не станет кинозвездой, даже кассиром в супермаркете не будет работать. «Как пройдет ваша жизнь, — сказала она, — известно наперед. Вы повзрослеете, но до того, как состаритесь, даже до того, как достигнете среднего возраста, у вас начнут брать внутренние органы для пересадки. Ради этих выемок вы и появились на свет».

А теперь вообразите, что эта метафора Исигуро на сто три минуты превращается в реальность, которой кто-то живет на экране, которая обрастает деталями и подробностями, точно ствол дерева — мхом. Но как в нее поверить, если в самом тексте заключена идея, что искусство, которым так упорно занимались хейлшемские дети, — бесполезно? Все их произведения: и рисунки, и скульптуры, и стихи, что соперничали друг с другом за право попасть в Галерею, — вовсе не были, как они полтали вначале, способом про-

верки на красоту внутреннего мира, на способность любить. Они не «выявляли души», они были просто экспериментом, который не удался. Да, только... в это не хочется верить — не потому, что так страшно и так грустно, а потому, что сам факт книги Исигуро, как и ленты, снятой по ней Марком Романеком в 2010 году, ставит эту мысль под сомнение.

Роман, когда вы о нем думаете, уже посмотрев фильм, разворачивается в уме настолько подробно, что потом — едете вы по шоссе, как взрослая

нал, — это, если поразмыслить, лишь половина смысла, тогда как «возможное я» идет по другому маршруту — дальше, как трамвай, только с конечной остановкой не «Желание», а «Будущее». Нет, исигуровские персонажи, разумеется, были не настолько сентиментальны, чтобы всерьез думать, будто если они скопированы с секретаря или менеджера, то в конце концов тоже станут работать в симпатичном офисе, но все же они верили, что, увидев свой «оригинал», рассмотрев его внимательно, получают какое-то

Исигуро К.
Не отпускай меня / Пер. с англ.
Л.Мотылева.

М.: Эксмо, Домино, 2011. — 352 с.
3100 экз. (п) ISBN 978-5-699-46942-0

Слева направо: Кэри Маллиган («Кэти»), Кира Найтли («Рут»), Эндрю Гарфилд («Томми»)

Кэти, накручивая мили, или заказываете в кафе официантке что-то из меню, как выпускники Хейлшемса, впервые очутившиеся в городе, — кажется, что в голове-то уже всплывает картинка из фильма: то проступает, то исчезает. И так все время: как будто каждый раз два стеклянных негатива накладываются один на другой, а потом разъединяются. Хотя, как чаще всего бывает, всех книжных картинок на фильм не хватит. Одни на поверку окажутся совсем из другой истории — как первый завтрак в кафе, другие — изящнее, миниатюрнее и тоньше, словно прорисованы пером, а не фломастером. Взять, к примеру, это выражение: «оригинал» — в фильме и «возможное я» — в книге. И там и там речь вроде бы об одном и том же: поскольку каждый из героев — это копия, снятая в тот или иной момент с нормального человека, значит, где-то в большом мире существует и живет своей жизнью тот, с кого она была сделана. Его и называют этим словом в кавычках. Вот только киношный вариант, «ориги-

представление о себе и о том, что их ждет впереди. Поэтому и «возможное я».

Более ранний фильм Романа «Фото за час» (2002 г.), с Робинот Уильямсом в главной роли, рассказывал об одиноком, несчастном, пожилым фотографе без семьи, родных и друзей, смысл жизни которого был заключен в его фотолаборатории. И вот что любопытно: на новый фильм можно взглянуть как на продолжение старого, с его темой болезненного одиночества, а можно как на произведение с противоположным посылом. Ведь он снял картину о людях, которые по сути оказались одинаковы. Не только лица и тела, не только внутренние органы, которые можно отдать или забрать, — еще и те же желания, те же инстинкты, единые для всех. Как насчет порножурналов, которые все листают, чтобы возбудиться? Не все? Тогда как насчет любви, которая возникает между всеми? Не всеми? Да... не всеми: не все умеют любить, и не всех любят. Тут со dna корзинки выплывает еще одна тема: так ли сильно отличается жизнь тех, кто отдает свои

органы, от жизни тех, кто их получает? Короткая жизнь тех, кто знает, что «завершение» придет еще до старости, даже до зрелости, и длинная, очень длинная и почти безопасная — тех, кто застрахован от множества болезней. Пожалуй, отличается. Жизнь первых гуще, в ней каждое мгновение ценится выше и держится в памяти дольше. Эта жизнь концентрированнее и как бы чище, направленнее, целеустремленнее. Она, конечно, трагичнее, но в чем-то и красивее. Времено это делает их похожими на детей, которые торопятся стать взрослыми и все воспринимают так остро, горячо и наивно. У них и лица такие — у актеров, сыгравших Кэти и Томми, — глаза, улыбки и дрожащий подбородок, перед тем как ручейки слез потекут по щекам: лица серьезные и одновременно светящиеся тем самым «благодарным энтузиазмом», о котором упоминал Исигуро.

ро. Эндрю Гарфилд (Томми), почти как в книге, подкрепляет свои слова мимикой ради убедительности — и если улыбается, то старается делать это лучезарно, если смеется, то громким хохотом. Эта детская черта, которая и вправду встречается у некоторых взрослых в жизни и которой Исигуро награждает Томми, — она может то раздражать, то умилять. Поэтому Томми-актер все делает правильно, даже если иногда вы смотрите на него с гримасой. Вот про Рут этого сказать нельзя. Кто такая Рут? — Вожак, дока, сильная и уве-

НОВОСТИ

Новая Анна

Очередную постановку романа Льва Толстого «Анна Каренина» на сей раз готовит Джо Райт. Главную роль исполнит Кира Найтли, а в партнерах у нее могут оказаться Джуд Лоу и Аарон Джонсон. На какие именно роли пробуются Лоу и Джонсон, пока не разглашается, но инсайдеры предполагают, что Аарон может сыграть Вронского. Роль Карениной в разное время исполняли Грета Гарбо, Вивьен Ли, Татьяна Самойлова, Софи Марсо. Всего в мире насчитывается порядка тридцати экранизаций романа. Адаптацией книги для данного фильма занимался известный английский драматург Том Стоппард.

Новые боги

Нил Гейман с чувством глубокого удовлетворения поведал в интервью, что наконец-то продал права на экранизацию своего романа «Американские боги», вышедшего десять лет назад, в 2001 году. В планах писателя — встреча с режиссером, готовым взвалить на себя это тяжелое бремя и обсуждение будущей постановки. Правда, о ком идет речь, автор не сообщил, намекнув лишь, что постановщик — «гений с кучей Оскаров», который жаждет сделать фильм по его книге еще с середины нулевых годов.

Новый Чапаев

Немецкий продюсер Карстен Штотер официально подтвердил, что летом его компания Rohfilm начнет съемки фильма по роману Виктора Пелевина «Чапаев и Пустота». Называться картина будет так же, как английский перевод книги, вышедший в США, — «Мизинец Будды» («Buddha's Little Finger»). Слухи о том, что один из самых известных романов Пелевина будет экранизирован, ходили еще с 2009 года, но подтвердились только сейчас. Осуществлять постановку будет интернациональная немецко-российско-канадская команда во главе с режиссером Тони Пембертоном (США), на главную роль приглашен британец Руперт Френд. Бюджет фильма пока составляет всего \$4 млн., однако Штотер утверждает, что эта сумма окончательно не утверждена. Выйти фильм, судя по его странице на IMDb, должен в 2012 году.

Подготовил Даниил Мартин

ЛИТЖИЗНЬ

Показательные списки

5 апреля в Президентском центре Ельцина оргкомитет Международного литературного конкурса «Русская премия» объявил «короткий список» претендентов на награды по итогам 2010 года. И это событие, по мнению многих — в том числе и председателя жюри, главного редактора журнала «Знамя» Сергея Чупринина — возможно, даже важнее и уж точно показательнее, чем имена главных победителей, которые будут, по традиции, объявлены на церемонии награждения 27 апреля. Почему? Во-первых, потому, сказал Чупринин, что «эти имена вовсе не всегда совпадают с моим личным выбором», а во-вторых, потому что именно лонг-лист и шорт-лист («под которыми я целиком и полностью подписываюсь») позволяют увидеть картину происходящего: «Направление усилий, динамику, некоторые общие черты и следы времени, прощя говоря — тренды».

Что ж, зарубежные «русские тренды» 2010 года «в именах» выглядят следующим образом. «Поэзия»: Наталья Горбаневская из Польши со сборником стихотворений 1956–2010 гг. «Прильпе земли душа моя», Ольга Дашкевич с «Яблочным джемом» — из США и Борис

Слева направо: Татьяна Восковская, Сергей Чупринин, Андрей Курков

Херсонский с книгой стихов под названием «Пока не стемнело» — из Украины. «Малой прозой» представлены Андрей Иванов (повесть «Кризис», Эстония), Юрий Серебрянский (повесть «Destination. Дорожная пастораль», Казахстан) и Леонид Левинзон (сборник рассказов «Полет», Израиль). В «Крупной прозе» жюри оставило Александра Любинского — автора романа «Виноградники ночи» (также из Израиля), Марину Палей из Нидерландов, с романом-притчей «Хор», и украинца Владимира Рафеенко, с романом-эпикой «Московский дивертисмент».

Человеку, не входящему в состав жюри «Русской премии», эти имена вряд ли сразу скажут все, или по крайней мере — многое. Они как коды, а нам нужна расшифровка. — Примерно в таком ключе и прошла пресс-конференция, посвященная оглашению номинантов. «Что такое зарубежная русская литература — в условиях, когда за два десятилетия наши соотечественники совершили то, на что предшественники других народов потребовалось несколько столетий, — россияне заселили весь мир». Сложно ответить на это предложение, прозвучавшее из уст Чупринина, как-то определен-

но и однозначно, в отличие, к примеру, от другого вопроса: кого должна ободраить своим вниманием «Русская премия» и что она собой представляет — «средство помощи нашим людям, которые находятся в тяжелой ситуации и все-таки пишут, или литературная премия, оценивающая в первую очередь художественные достоинства текстов»? Так вот, «Русская премия» — это второе. Или, как сформулировал свое виденье ситуации другой член жюри — приехавший из Киева писатель Андрей Курков: «На первом месте — всегда литература, а география — уж потом». Хотя, конечно, и он

не мог не признать, насколько же пестрыми в этом году оказались «длинный» и «короткий» списки. Странно было бы ожидать другого результата после того, как в конкурсе с недавнего времени стали принимать участие писатели и поэты, живущие абсолютно в любой стране мира за пределами России (вначале он проводился только на постсоветском пространстве). И в 2010 году свои 642 заявки отправили авторы из 42 стран. Но под словом «пестрый» и Андрей Курков, и Татьяна Восковская, руководитель оргкомитета конкурса, опять же подразумевали вовсе не географический, а литературный смысл. В шорт-лист, по словам Восковской, попали очень разные авторы: «И хорошо известные, «живые классики», как, например, Наталья Горбаневская, и те авторы, которые стали известны благодаря «Русской премии», как Андрей Иванов, в этом году номинированный не в «Большой прозе», как в прошлом, а в «Малой», и, наконец, писатели и поэты — еще совершенно не известные».

Что касается непосредственно номинаций (и тенденций), о которых в основном говорил Чупринин, то в разделе «Поэзия», где их оказалось

три, он «дал бы шесть», и те авторы, что здесь были выбраны, представляют, скорее, «традиционалистскую поэзию, напоминающую о стихосложении XIX века, в противоположность авангарду и футуризму». В «Малой прозе» вместо трех Чупринин «дал бы одну награду» (в прошлом году в числе номинантов оказались двое): «Здесь, на мой вкус, — то чтобы нет открытий — они есть, но уровень конкурентности текстов не так высок, чтобы говорить о большем количестве претендентов». Зато как прекрасна «Большая проза»! Чупринин, которому больше всех понравился Рафеенко («я открыл для себя этого писателя»), среди наиболее заметных и важных черт отметил, во-первых, «последовательное движение в сторону артистизма», а во-вторых, «безусловное понижение социального момента». Другими словами, русская литература за рубежом, по мнению председателя жюри, «превращается в художественную игру, а Эзопов язык и косвенная речь перестают быть исключительными приемами, служащими для обличения порядка, — они становятся целью, к которой идут ради самой литературы и самого языка».

Два дня рождения

Не «молчаливые грузные томы», что «сторожат вековые истоки», а — новые: книги с золотыми корешками в черных переплетках, мирно дремлющие в надежных кожаных футлярах... Дремлющие до тех пор, пока их аккуратно не потревожит какой-нибудь счастливый книголюб, любитель дорогого антиквариата и красивых коллекционных изданий. И если вы гонитесь сразу за обоими наслаждениями, то вам либо следует купить билет до Санкт-Петербурга — но это далеко и холодно, либо отправиться на Мясницкую улицу в «Библио-Глобус». Петербург — потому что там находится главное представительство «Вита Новы» — едва ли не единственного издательства в России, выпускающего такие живые и старомодные, такие особенные и редкие книги. А «Библио-Глобус» — потому что именно там, на исходе последнего мартовского дня, состоялась презентация очередной «витановской» новинки: трехтомного издания «Пословиц русского народа» Владимира Ивановича Даля. Это пятьдесят лет назад знаменитый ученый, лингвист, этнограф и писатель издал труд, кото-

рый, вероятно, можно назвать своеобразным продолжением его же «Толкового словаря живого великорусского языка». Сборник, в который вошли не только пословицы, но и поговорки, прибаутки, загадки и прочие жемчужины, Даль собирал в течение десятилетий. «Вита Нова», как сообщил собравшимся ее генеральный директор Алексей Захаренков, готовила книгу пять лет — то есть ровно половину своего славного существования. Как и многие другие издания, выходящие в «Вита Нова», это, выпущенное в количестве всего восьмисот экземпляров, продолжает давние традиции малотиражных нумерованных изданий. Что это означает? Для непьющих издатель с гордостью рассказал: «Здесь впервые публикуется цикл из ста сорока шести иллюстраций, созданный для этого издания замечательной художницей из Старой Ладуги Татьяной Козьминой. К нумерованным экземплярам прилагается литографская сюита, состоящая из двенадцати листов — по временам года. И каждый сюжет помещен в специальную, авторской работы, папку — она индивидуальна, ни разу не повторяется, а ее

декоративная крышка представляет собой аппликацию из ткани». Только что изданная, книга, как скромно похвастался Захаренков, была уже показана в Эрмитаже, высоко оценена Михаилом Пиотровским и, очевидно, будет представлена к Государственной премии.

Полтора века «Пословицам» Даля и десять лет «Вита Новы» — события, конечно... несопоставимые? Одинаково важные? Вряд ли стоит их сравнивать — гораздо разумнее отметить оба. Вот этим по большому счету и занимались гости вечера: и директор торгового дома Борис Есенькин, давший клятву, что это, как выяснилось, первое приглашение «Вита Новы» в «Библио-Глобус», — не станет последним, и президент Союза «Гильдия книжников» Валентин Овчинников — также пригласивший «Вита Нову» «в свои ряды», и главный редактор-директор «Молодой гвардии» и страстный коллекционер Андрей Петров, назвавший книги «Вита Новы» «великим чудом»: «Сейчас так часто на радио, или на телевидении, ведущие говорят что-нибудь вроде: «Эта книга / этот аль-

Слева направо: Сергей Алимов, Борис Есенькин, Михаил Шемякин, Алексей Захаренков, Валентин Овчинников

бом должны стоять в библиотеке каждой семьи». Лично мне ужасно тоскливо слышать эти надоевшие фразы. Так вот, книги «Вита Новы» — не должны: они как перебор, как украшение, они не являются необходимостью, но они помогают, согревают своей красотой. Наш век — век информации. Книга не нужна для того, чтобы ее получить. Те, кому в первую очередь нужна информация, могут залезть во все-

мирную сеть. А книга... она гораздо больше информации. Это жизнь, душа, эмоции. Это другой век, запечатленный в тексте и в иллюстрациях, цельнокожаном переплете, на рельефных обложках, с росписью, тиснением золотом или инкрустациями, в подписанных художником гравюрах и литографиях».

О возрождении культуры книги как искусства, культуры русской книги XIX века,

века Серебряного и отдельных периодов советской школы, с ее богатыми традициями, — говорили приглашенные издательством художники-иллюстраторы: Сергей Алимов, нарисовавший для «Виты Новы» «Историю одного города», и Михаил Шемякин, чье сотрудничество с издательством пока исчисляется тремя изданиями, однако вскоре пополнится и четвертым: о Владимире Высоцком.

Как в кондитерской

Волшебство, которое начинается с первой страницы, уже не отпускает до последней. Это волшебство, такое чистое и даже классическое, хотя в чем-то — другое, особенное и сегодня непривычное. Его придумал Александр Шаров (1909—1984). Хотя он писал не только сказки для детей, эта история — именно про волшебство. Оно тут живет, как запах шоколада в кондитерской. Но как в кондитерскую заглядывают далеко не только дети, так и сказку про волшебство можно читать всем, невзирая на возраст. Правда, если вы — человек высокомерный и насмешливый, то, возможно, назовете шаровскую историю детской сказочкой, решив, что все здесь какое-то непонятное (как будто в жизни много понятного), упоминаются феи (как будто среди людей редко встречаются феи) и действуют гномы. Но если вы не такой — история вам непременно понравится.

Начинается она летом, двадцать пятого июля, в год, когда ее герой — обыкновенный тринадцатилетний мальчик-сирота — прощается со своей бедной тетушкой Эльзой и отправляется «на все четыре стороны».

Шаров А.
Человек-Горошина и Простак:
Сказочная повесть.

М.: Издательский Дом Мещерякова, 2011.
— 104 с.: ил. — (Bibliogид рекомендует).
5000 экз. (n) ISBN 978-5-91045-284-2

То есть за счастьем. А в это время знаменитый и могучий колдун Турропуто, или, как он сам любит говорить: «*Величайший и самый злой из всех самых величайших и самых злых колдунов*», — дает клятву отобрать у мальчишки узелок, который ему, умирая, оставила в наследство матушка. Звучит, конечно, странно, по меньшей мере, наивно — но дело в том, что этот узелок — волшебный, хотя и выглядит совершенно обычно: маленький, беленький, но внутри у него «веревочка, которая не рвется, уголек, который не гас-

нет, ключик, ножик и медный грошик». Как они стали такими? Ответ мальчик узнает у гнома, которого вскоре встретит, — воздушного человека, бывшего кузнеца, мэтра Ганзелиуса, Учителя и сказочника — все в одном маленьком существе, размером с горошину.

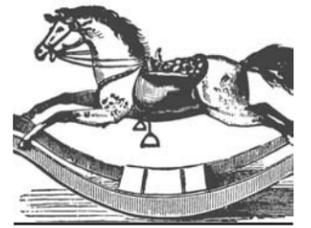
Представить такое, пожалуй, трудно, но ведь у нас есть она — Ника Гольц, и как же чудесно хороши ее картины! Рисовать так изящно и легко, будто ее герои еле касаются своими туфельками мостовой, — это вообще в ее манере. Но здесь она точь-в-точь, след в след, идет за писателем, идеально повторяя каждое его движение, то есть слово.

Сказка Шарова очень живая и лаконичная, яркая и разноцветная, как леденцы в той самой кондитерской. Вот, например, на пороге розового домика с голубой черепичной крышей стоит красноносый толстяк с розовыми щечками и желтыми глазами (замаскировавшийся Турропуто). Если вы читаете слишком быстро, забывая представлять себе то, о чем шепчет или вскользь упоминает сказочник, — то иллюстрации Ники Гольц вам этого не позволят. И гном

Ганзелиус у нее — до последней черточки соответствует тому, кого «рисует» Шаров: с темными глазами и седой бородкой, в синем плаще, со шпагой на кожаном поясе и красным колпаком с кисточкой в левой руке, а на ногах у него остроносые штилеты зеленого цвета с загнутыми носками. Ника Гольц учла все. И в ее Принцессу можно влюбиться, как влюбился в нее и мальчик, и Сильвер — юноша с каменным сердцем, хотя, нарисовав ее такой красивой, она все равно сделала то же, что и колдун Турропуто, — заморозила ей сердце. То ли во взгляде, то ли в улыбке, то ли в линии плеч — но холодное проклятие витает где-то рядом, когда Принцесса пролетает по странице.

Вы думаете об Андерсене и «Снежной королеве»? Немудрено. А когда Шаров рассказывает о правлении короля Жаба Девятого Вогнутовыгнутого (вообще-то, просто кривобокого, но правитель запретил проносить это слово), вспоминаются три толстяка. Когда проводник поезда заходит в купе, чтобы сообщить пассажирам об остановке, — по выражению его глаз,

по манере изящно склонять маленькую головку узнается Голубь, который несколько страниц назад сопровождал мэтра Ганзелиуса и мальчика, — тогда на ум, конечно, приходят истории с превращениями, что-то оскаруйловское. И еще кэрролловская Алиса — это когда Простак покупает в аптеке таблетки мизерина, помогающие уменьшить в пятьсот пятьдесят раз. Что же касается полетов скаковой мухи Ахумдус (взятой напрокат в городском Бюро скаковых животных) и ее размышлений о том, как несправедливо устроен мир и как важно всю жизнь «образовывать свой ум», — ну разве не естественно будет провести параллель с пчелами, медом, Артуром и минипутами из бессонной эпопеи? Да, тут много литературных «привидений», но они мирно уживаются в одной небольшой и одновременно большой книжке. Эта сказка рассказывает только свою собственную историю: о том, как научиться отличать пустых людей (которых множество) от воздушных (так редко встречающихся), как узнать, кому верить и кому нельзя, как любить и жалеть, бояться, но не трусить.

НОВОСТИ

Вслух

И с выражением

Вот уже полвека, как в Германии проводится конкурс юных чтецов, собирая ежегодно 700 000 маленьких немцев и являясь самой значительной акцией, направленной на то, чтобы дети больше читали. И вот впервые дети-чтецы «сражаются» друг с другом у нас. С 1 марта по 23 апреля шестиклассники Санкт-Петербурга, Москвы, Твери, Кирова, Ярославля, Томска, Воронежа, Череповца читают вслух отрывки из любимых прозаических произведений, имея в своем распоряжении не больше пяти минут, право читать как по памяти, так и по книге, использовать во время выступления музыку, декорации и костюмы, но не использовать запись голоса. При этом, как отмечают организаторы конкурса (Международная ассоциация «Живая классика» при поддержке Комитета по образованию и Комитета по печати правительства Санкт-Петербурга), главное слово здесь — именно «любимые» авторы: участникам предлагают читать то, что им нравится, и награждают их за чтение тех книг, которые они выбирают сами. Из четырех туров конкурса пока прошел только первый, но и он уже кое-что показал: «нечитающее поколение» артистично и проникновенно читало наизусть тексты Булгакова, Грина, Пушкина, Лермонтова, Тэффи, Сэлинджера, Даниэля Пеннака, Экзюпери, Ричарда Баха, Лондона, Хармса, Платонова, Тургенева, Куприна, Паустовского, Чехова, «Слово о полку Игореве», Носова, Драгунского, Твена, Милна и Роулинг. Предварительные выводы сделал один из организаторов, профессор, доктор филологических наук Александр Большев: «Очень похоже, что нынешние одиннадцатилетние к чтению относятся вполне позитивно, в их среде читать книги престижно». Также в Оргкомитет и жюри Конкурса входят писатели, деятели культуры и искусства, учителя русского языка и литературы и библиотекари. Оценивая участников по десятибалльной системе, они выявят победителей на Санкт-Петербургском книжном салоне 23 апреля, во Всемирный День книги ЮНЕСКО. Эти дети получат в подарок медали, книги, букридеры и компьютеры, а главный победитель поедет в Германию на Франкфуртскую книжную ярмарку.

Как на качелях

Нынешние футбольные мячи, фломастеры и жевательные резинки не в пример лучше тех, что были когда-то. А вот прежних качелей теперь, кажется, почти не осталось... Раньше можно было сидеть на изъеденной жучками дощечке, вцепившись побелевшими пальцами в крепкие веревки, а остальные раскачивали тебя так самоотверженно и страстно, так искренне и громко, что звон стоял еще много лет спустя. Где-то в голове или в сердце. Незабываемые ощущения! На свете не так уж много книг, которые могли бы их воскресить, но эта может. Она вся — как полет на тех самых качелях. Будто пускаешься в сферы, где возможно то, о чем даже не задумывался почему-то. Это не волшебство, а рассчитанная математиком фантастика. Блеск!

Марчелло Арджилли — в нем, наверное, есть понемногу от его героев: что-то от синьора Пиццетти — фантаста-окулиста, постоянно избравшего невероятные очки, надев которые люди видели именно то, что им хотелось, а что-то

от шута, который отправился в кругосветное путешествие, чтобы собирать интересные сказки. Что-то от коллекционера уникальных туманов, хранящего образцы в стеклянных банках с крышками и красочными этикетками. Есть в нем что-то и от Джованни — принцессы Сомнение, которая обнаружила, что звезды соединились в цепочку и образовали надпись «В самом деле?». И еще он определенно похож на ту женщину, которая напомнила людям о том, что они могли забыть. Вообще-то в молодости Арджилли был юристом, но как-то раз зашел в редакцию римской газеты и познакомился с Джанни Родари: с тех пор он решил стать сказочником, а в свободное от работы время — журналистом и ведущим телевизионных передач.

Учитывая, что прежняя книжка Арджилли была о необычных городах (конечно, им самим выдуманных и поэтому совершенно фантастических, но очень узнаваемых), а в этой речь идет о часах, буквах, художниках, красках и видах вранья, то писателя вполне можно

Арджилли М.
Фантаст-окулист /
Пер. с ит. И.Константиновой.
М.: Гаятри/Livebook, 2011. — 224 с.: ил.
2000 экз. (n) ISBN 978-5-9689-0167-5

назвать собирателем самых чудных коллекций, редких и странных. Должно быть, они заменяют ему стихи — да они и похожи порой на стихи, только записанные как сказки одним наблюдательным журналистом, с очень симпатичным, итальянским, чувством юмора. Впрочем, большая часть этих сказок — не совсем сказки. Скорее колонки новостей — причудливых, парадоксальных, словно они все были составлены 1 апреля: «...в одном квартале города

внезапно, резко, прямо-таки катастрофически возрела детская ложь. Странно, но событие это совпало с появлением поблизости от начальной школы одного старичка».

Настоящие сказки находятся в середине книги. Впрочем, «настоящие» — сказано, пожалуй, слишком поспешно: история, в которой «ужасно много недочетов» (в названии недостает одного слова, у персонажей не хватает ушей, имен и терпения, в пустыне мало песка, у мотоцикла нет колес, а к тому же сказка обрывается), история до того старая и безобразная, что даже «сама это понимает», поэтому Арджилли с удовольствием рассказывает о ней, но не о том, о чем в ней речь. Ну и наконец сказки, измененные силой обстоятельств, в результате мирового прогресса. Там мачеха больше не злится на Золушку, потому что ее родные дочери благодаря косметике и институтам красоты стали красавицами и вполне могут выйти замуж за принца. А странствующие рыцари, которые останавливаются в таверне, уже не хотят

ее покидать — зачем, если там уютно, есть кофеварка, электрогриль и игровые автоматы! И еще он рассказывает о девочке Пине, которая ест сказки вместо макарон — только их принимает ее прекрасный и капризный желудок, из-за чего бедные родители вынуждены сочинять волшебные истории каждый день: на завтрак, полдник и ужин.

То, что Арджилли вытворяет со сказками, похоже на создание умопомрачительного коктейля. Радует, как яркие фрукты на веселой тарелке, когда на них падают солнечные лучи, — и даже жалко есть. И заряжает чем-то непонятным на целый день. Чем? Арджилли, похоже, кладет в свой коктейль что-то еще, о чем никому, кроме него, не известно. Вам понравится ли та вольная, на удивление спокойная и совершенно сумасшедшая сновидческая история, которая вдруг появляется у него при обращении с привычными вещами, вроде домашних приборов, телефона и пылесоса, или старинных сказок про Красную Шапочку и Пинокио.

Российский
книжный
союз

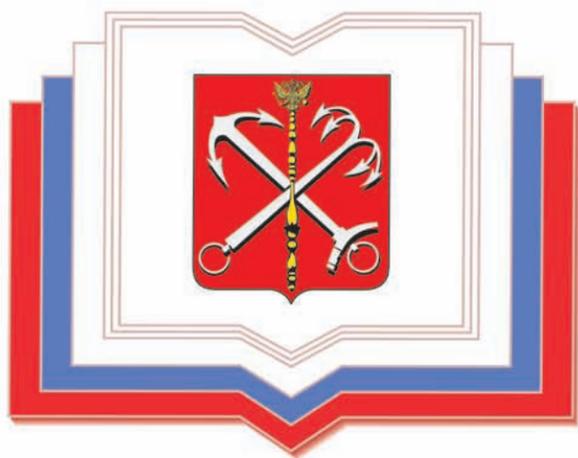

Правительство Санкт-Петербурга
Комитет по печати и взаимодействию
со средствами массовой информации

Время читать!

21-24 апреля 2011

ШЕСТОЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КНИЖНЫЙ САЛОН

www.spbbooksalon.ru +7 812 321 2747 www.lenexpo.ru
выставочный комплекс «Ленэкспо», павильон 7

подписка-2011

Журнал поэзии «Арион»

Единственный в России «толстый» поэтический журнал, 18-й год издания (основан в 1994 г.)

Весь спектр современной русской поэзии; поэтическая критика; эссе; литературные портреты; архивные материалы; рецензии; переводы; черно-белая графика

Подписка по «зеленому» каталогу «Пресса России»
Наш индекс – 73117

Журнал выходит в марте, июне, октябре и декабре

ВТОРОЕ ПОЛУГОДИЕ

Издательство «ТЕРРА»

разыскивает наследников

писателя Костылева Валентина Ивановича (1884 – 1950):

Костылеву Надежду Валентиновну, Костылеву Тамару Валентиновну,
Костылеву Маргариту Валентиновну.

Связаться с издательством можно по телефону (495) 737-04-89,
по факсу (495) 737-04-90, по электр. почте matveev@teppa.ru, ils@teppa.ru

По вопросам размещения рекламы
в изданиях ИД «Книжное обозрение»

обращайтесь

по тел. (495) 955-79-70

e-mail: adv@knigoboz.ru, nabokova@knigoboz.ru

ЖУРНАЛ

ЗНАНИЕ-СИЛА

долгие годы был и остается любимым чтением
для тех, кому интересны достижения
в различных отраслях знаний, кто хочет
повысить свой интеллектуальный уровень.
Выходит с января 1926 года.

Журнал публикует материалы о достижениях
в физике, астрономии, космологии, биологии,
истории, философии, психологии, социологии.
Кредо журнала – серьезный разговор с читателем
о проблемах науки, о путях развития научной мысли,
о поиске решений наиболее важных научных проблем.

Подписка во всех отделениях связи Почты России
через каталоги «Пресса России» (индексы 45362, 64157),
«Почта России» (99420, 99423), «Роспечать» (73010, 71382)

Адрес редакции: 115114, Москва, Кожевническая улица, д. 19, стр. 6
Телефон: (499) 235-89-35, факс: (499) 235-02-52
e-mail: zn-sila@ropnet.ru

www.znanie-sila.ru

«Орлеан»

фрагмент

... А Рудик в это время резал глупый аппендикс, примитивный, гнойный и никому не нужный, доказывающий лишь то, что и Бог иногда мог ошибаться, придумывая в человеке абсолютно бесполезные, как детали к старой швейной машинке, предметы. В семидесятые годы один ученый парадоксалист предлагал удалять аппендиксы сразу, то есть у новорожденных, не подвергая впоследствии этой уничтожительной процедуре уже взрослого, состоятельного во всех смыслах мужа, отслужившего в армии, достигшего должности и.о. доцента и ходившего в рестораны по пятницам с любовницей, говоря жене, что до утра работает с документами. Но предложение не прошло, вероятно, из-за суеверного и ничем не обоснованного подозрения, что Бог сможет оказаться хитрее и задумал нечто про человека, чего он сам не может себе вообразить. Рудик в этом вопросе был на стороне похеренного ученого, а не Бога, считая, что, чем меньше в человеке всякого рода непонятных деталей, тем лучше, а уж если Бог хочет просто ничем не обоснованного страдания, переходящего в перитонит, то уж извините, здесь мы поспорим и с вами не согласимся.

Он знал эту полостную операцию назубок и потому делал ее, почти засыпая, с трудом борясь с одурманивающей мозги тиной, трясая головой, полускрыв глаза, как играет опытный пианист, даже не взглянув на постылую и захватанную пальцами клавиатуру.

Сестра-ветеринар, чтобы хирург окончательно не заснул, давала лизать ему мороженое «Забава», которое делалось Барнаульским хлебокомбинатом, — двуцветный розово-белый пломбир на палочке, то открывая повязку на лице мастера, то прикрывая ее...

— Не могу, — пробормотал Рудик. — Сама ешь.

Он знал эту «Забаву» с детства и потому не ценил ее качества, например отсутствие сухого молока в рецептуре и всякого рода сомнительных консервантов. Сестра, не сказав своего традиционного «ага», долизала то, что не успел долизать Рудик.

И в это время в операционную влетела Лидка. Влетела со всем, что было при ней, с пирожками вверху туловища и густым тестом внизу, с размазанной косметикой на лице и с глазами, которые источали горьковатый каштановый мед отчаяния.

— Меня убивают! — крикнула она Рудику. — Моя добродетель распотпана грязным сапогом аристократа.

— Погодите, — терпеливо ответил ей хирург Рудольф Валентинович Белецкий. — Не видите, что я режу? Тут дело идет о жизни и смерти, а вы ворвались с какой-то травленной молью добродетелью и еще плюнули мне в лицо своей кислотой.

— Зашивай его, — приказала Лидка. — Чего здесь валандаться?

— Зашивайте, — покорно отдал распоряжение сестре хирург, содрал с себя надоевшую повязку и пропустил Лидку из операционной вперед. — Пойдемте со мной в ординаторскую...

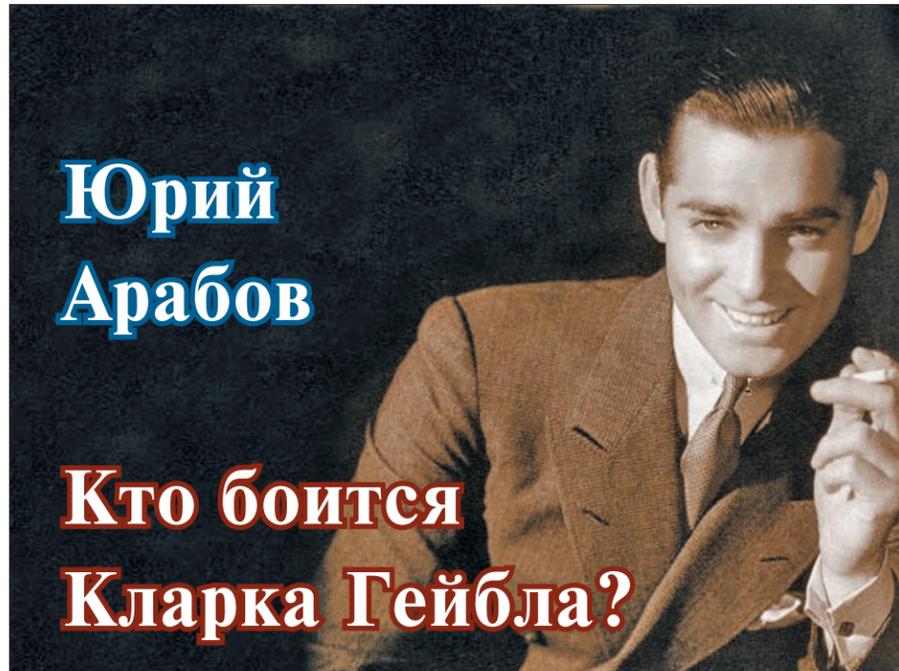
Он вдруг замешкался, затоптался на месте, словно внезапно ослеп, и опять возвратился к больному. Посмотрел с подозрением на его раскрытый живот.

— Чего сопли жуешь? Забыл чего? — ласково проворковала ему Лидка.

— Да так... У меня дурь каждый раз... Будто я скальпель в животе оставляю... Когда учился в институте, мне один товарищ рассказывал... Как скальпель зашли в животе.

— Мне тоже сейчас кое-что рассказали, —

В издательстве «АСТ» готовится к выходу новый роман Юрия Арапова «Орлеан». В Кулундинской степи стоял город, которого не было на карте, однако жилось там вроде бы нормально, работали парикмахерская и больница, и носил город звучное название Орлеан. Но нормальная жизнь закончилась, когда в город приехал бродячий цирк, а на окраине открылся офис «эксекютора» К. Гейбла. Он знал про орлеанцев невероятные вещи и обещал страшную кару за грехи...

пробормотала парикмахерша, не уточнив, что именно. — Услышишь — закачаешься.

И она с силой, ухватившись за рукав халата, загнала Белецкого в ординаторскую, как загоняют безмолвную скотину на убой.

Там Рудик рухнул на продавленный диван, словно метеорит обрушился на безжизненную планету, а Лидка плюхнулась на колени лечащего врача. Он почувствовал на себе ее теплый зад, похожий на две некрепко сшитые друг с другом подушки. У другого бы эти подушки вызвали восторг обладания, другой бы сразу зачитал стихи вслух, заговорил бы о мироздании, о психоэргии, сансаре, пране и выяне, другой бы весь мир духовный в себе перевернул — и именно из-за этих жгучих, как грелка, подушек. Но только не Рудик. Скука и раздражение, которые мучили его весь день, вдруг сделали нестерпимыми.

— Мне страшно. Спаси меня! — Лидка обняла его короткую широкую шею и прикоснулась к уху липкими губами, будто измазанными в клее «Момент» — в том смысле, что еще мгновение, и их уже не отлепить.

— Отчего тебе страшно? — спросил он, увернувшись и все-таки спихнув ее с колена на диван.

— От человека.

— Ну знаешь ли, милая, от человека всегда страшно, — философически заметил хирург. — Человек может сказать тебе гадость, может ударить напильником по голове, посвятить тебя в свой внутренний мир, попросить взаимных денег... Страх от человека — в порядке вещей.

— Значит, тебе тоже страшно?

— Конечно.

— От кого конкретно?

— От всех людей.

Рудик нетерпеливо поднялся с дивана и посмотрел на улицу. Буря за окном не состоялась. Солнце зевало. Ветер пошел на местную карусель и там задремал в деревянной люльке.

Тогда хирург включил телевизор «Юность» на тумбочке. Как еще работал этот маленький советский реликт, как не взорвался, не возгорел, не вышел дымом, словно старик Хот-

табыч, и не показал всей больнице кузькину мать — неведомо. Сквозь морскую рябь черно-белых помех стали видны двое молодых, которые дубасили кого-то железной палкой, передавая ее из рук в руки.

— В насилении есть своя философия, — пробормотал хирург, озабоченно уставившись на экран. — Фридрих Ницше, если бы дожил до наших дней, был бы безмерно счастлив.

— Какая ниша? Чего ты плетешь?! — постаралась Лидка вернуть его с небес на землю.

— Это я так. Заговариваюсь, — пошел он на попятную.

— Ты не понимаешь. Меня хотят убить.

Лицо парикмахерши пошло пятнами, губы затряслись и разъехались в разные стороны, словно две гусеницы.

— Кто? — терпеливо спросил Белецкий.

— Инквизитор, — и она с плачем протянула ему визитную карточку.

— Итальянец, что ли?

— Итальянец, — подтвердила Лидка, уже рыдая в полный голос. — Из Кулунды.

Рудик близоруко вгляделся в кусочек картона, который оказался у него в руках.

— Во-первых, не инквизитор, а эксекютор... — пробормотал он, пытаясь успокоить пылкую и глупую парикмахершу. — Фамилия, правда, странная. Согласен. И она кого-то мне сильно напоминает.

— Он вообще странный, — подтвердила парикмахерша, размазывая платком тушь по щекам.

— Чем же?

— Очень уж сладкий. Ну просто приторный. Такого даже и не съешь. Выплонешь... Гейбл, — вдруг страшно произнесла она. — Это был Кларк Гейбл!

— Чего? — не понял Белецкий.

— Кларк Гейбл, — простонала несчастная Лидка. — Иностраный артист. Дорогие сигары, набриолинные усы... и цинизм. Цинизм во всем. Он такой цинизм с тобой совершит, что даже маму родную не позовешь!

Рудик озабоченно прикоснулся пальцами к ее лбу.

— Кажется, началась интоксикация, — сказал он сам себе. — Если к вечеру не прекратится, то надо отправлять в областную больницу. На вот, съешь, — и он высыпал ей на ладонь пару розовых таблеток.

— Кларк Гейбл!.. — не успокаивалась Лидка. — «Унесенные ветром» кино... Знаешь?

— Терпеть не могу, — признался Белецкий. — Хуже сепсиса и перитонита.

— А мне понравилось, — отрезала Дериглазова. — Я даже была влюблена в этого отпетого мерзавца.

— И у тебя от него были дети, — терпеливо добавил хирург. — В астральном смысле.

Лидка всосала в себя таблетки и как-то успокоилась.

— Нет, детей не было, — совершенно серьезно призналась она.

— Значит, он предохранялся. — Рудольф снова взял в руки злополучную визитку. — Кое-что ясно, — промолвил он, подумав. — Фамилия, конечно, вымышленная. Взята с потолка. А вот профессия...

— И профессия, — поспешила подтвердить Лидка.

— Не знаю. Не уверен. Что нам известно об эксекюторах и инквизиторах? — задал он сам себе философский вопрос. — Инквизитор — это, так сказать, идейный глава... Пахан по-нашему. А эксекютор — всего лишь пешка, исполнитель. Глупый мясник. Точнее, топор в чьих-то невидимых руках. Не более того.

— Но мне от этого не легче, Рудя! — и Лидка опять крепко обняла его.

Он почувствовал, что в глубине ее проснулась нежность. Проснулась, как пушистая кошка: выгнулась дугой, села на задние лапы и умыла передней лапкой свою заспанную мордочку.

Белецкий же был как на иголках, опасаясь, что в ординаторскую войдет кто-нибудь посторонний, не ветеринар в юбке, а строгий и злой, как Высший Судия. Тут-то он и расколет их молотком, словно двойной орех.

— Что он тебе сказал, твой эксекютор?

— Что-то про язык. Как он будет гнить, — проворковала Лидка сонным голосом, потому что вся отдалась своей внутренней кошке.

— Я недавно отравился вареным языком в нашем кафе, — припомнил Рудольф Валентинович нектати. — Но выпил тысячелистника. И ничего. Полегчало. Тебе известно такое растение — лох серебристый?

— Ну?

— Вот это ты, — сказала ей хирург. — Тебя просто развели. Разыграли, как последнюю дуру. Как лоха серебристого.

— Думаешь?

— Не думаю, а уверен.

— Выпиши меня отсюда, — она взяла его за пухлое колено. — Мне очень страшно.

— Через день, два... Как положено.

— А если он придет ко мне домой?..

Рудольф, натужно зевнув, выключил телевизор:

— Ты не в себе.

— Зато ты... Ты всегда в себе, — сказала она с обидой.

— Не грузи. Иначе я сейчас засну от скуки.

Она вдруг задумалась. Лицо помрачнело и сделалось менее вульгарным, чем раньше, как если б окна в доме, в котором шел веселый праздник, вдруг погасли, оттого что пьяный монтер вырубил все электричество.

— ...Какого пола был мой ребенок?

— Мальчик, — ответил он нехотя.

альбом

«средневековое Искусство»

Живопись иглой

Вера Бройде

Юрова Е.
Старинные узоры
для вышивания:
Обзор за 400 лет
и энциклопедия вышивки
XVIII века.

М.: Этерна, 2010. – 208 с.: ил.
2000 экз. (п) ISBN 978-5-480-00225-6

Церковное шитье в Древней
Руси: Сб. ст.

М.: Галарт, 2010. – 296 с.: ил. 1000 экз.
(п) ISBN 978-5-269-01111-0

Образец вышивки из руководства Нетто

Донской казак. 1846 г.

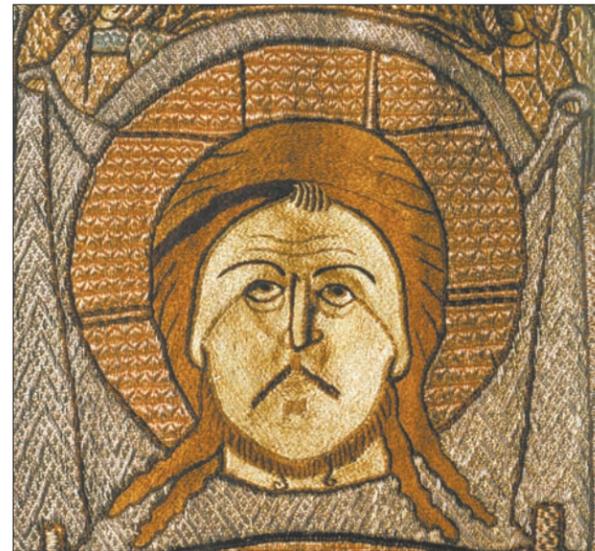
Влюбленные в лодке. 50-е гг. XX века

Когда блуждаешь по сайту «Кинопоиска», то вечно натыкаешься на предложение: «Если вам понравился этот фильм, посмотрите вот эти...» — и список из двух-трех кинокартин. Конечно, в нем никогда не бывает книг. Так вот, если вы смотрели «Вышивальщица», где рыжая, кудрявая героиня, беременная и несчастная, случайно знакомится с мадам Меликян, профессиональной вышивальщицей, и остается в ее доме, помогая в работе, день за днем, стежок за стежком крепче и крепче привязываясь к ней и к ее великому средневековому искусству, — тогда вам ни в коем случае нельзя пропустить эти две книги.

Первая рассказывает о вышивальщицах, которые передавали узоры по наследству или копировали их у других, потому что в те далекие времена, когда они жили, журналов с готовыми рисунками не существовало. Самый первый появился в 1523 году в Германии и, как пишет Елена Юрова (довольно известный московский коллекционер), имел очень большой успех. В сборниках, которые вскоре за ним последовали, рисунки были расчерчены на клеточки и представляли собой орнаменты с геометрическими фигурами или растительными мотивами, геральдическими животными или географическими картами, городскими пейзажами или военными сценами. Впрочем, иногда — не слишком часто — встречались и изображения дам и кавалеров в модных испанских костюмах. А потом, с годами, со сменой времен года, и ветра, и власти, и моды, картины стали меняться. Как и техника шва или изготовления копировальной бумаги, составления рисунка и перевода его на ткань, даже манера особым образом стирать вещи с вышивкой. Много всего необычного произошло за те четыреста лет, о которых здесь, в книге, так увлеченно, неторопливо и основательно ведется речь.

Со страстью и азартом рукоделию предавались дочь Федора Тютчева и прабабушка Фаддея Булгарина — богатая польская аристократка, мать графа Бутурлина и маманья Саши из «Обыкновенной истории» Гончарова — помните, как она горевала в письме о подушке, с узором из арапа и двух собак, которую так и не вышила для него перед отъездом: так вот, соответствующий рисунок действительно существовал в XIX веке и в разных вариациях приводится в книге Юровой. Чтобы исполнить нечто подобное, нужно, конечно, быть женщиной — то есть обладать основными женскими достоинствами. Так-так, вероятно, вы сейчас прикидываете: это какими же? Ну, вы же не будете отрицать, что аккуратность, терпение и трудолюбие гораздо чаще отличают не мужчин, а их возлюбленных. Хотя бывают исключения, об одном из которых здесь как раз есть упоминание: это Далматов — русский коллекционер второй половины XIX века, который однажды так мастерски исполнил вышивку по атласу и полотну шелком для отделки «русского терема», что его произведением украсили датский королевский парк Фреденсборг!

А сто лет спустя художественная вышивка в России уже вышла из моды. Котята в корзинке и влюбленные голубки в окружении виньеток — фу-у, это же мешанство, низменный вкус, не иначе! Впрочем, всегда существовали и другие сюжеты — божественные, к которым даже в советское время отношение было особенным, не имеющим с представлениями о моде ничего общего. Церковное шитье — предмет самого пристального и детального изучения второй книги — это напрестольные пелены и воздухи, покровцы для литургических сосудов и плащаницы с изображением Оплакивания Христа, подвесные пелены к иконам и завесам для них. Почти все они достались нам в наследство от XV—XVII веков, периода позднего Средневековья, или поствизантийского периода. А это огромная, таинственная и темная — то есть еще не очень изученная сфера. Древнерусское искусство невозможно представить без церкви и икон, без храмового убранства и его порой нежной, порой тяжелой символики. И церковное шитье — едва ли не самая яркая, технически сложная и оригинальная часть этого искусства. Именно с этих позиций на него смотрят историки и ученые, статьи которых вошли в сборник. Одни размышляют об элитарности шитья как вида искусства, другие — о роли материала, ткани и нитей, третьи — о женщинах, творивших свою прекрасную «живопись иглой» — по выражению известного французского византиниста Габриэля Милле. В книге есть даже впервые переведенная на русский статья 1938 года выдающегося ученого Анатолия Фролова — русского эмигранта, ставшего в Париже учеником того самого Милле, а затем долгое время работавшего главным хранителем знаменитой Византийской библиотеки.

Спас Нерукотворный. Деталь покрыва благоверной княгини Анны Кашинской. Конец 1650-х гг.

Покров «Благоверная княгиня Анна Кашинская». Конец 1650-х гг.

Вознесение, свв. князя Борис и Глеб, мученики Флор и Лавр. Палица из Борисоглебского монастыря на Ушне близ Муром. Середина XVII в.